

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*Наполеон
и его женщины*

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Наполеон и его женщины

«Этерна»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Наполеон и его женщины / Г. Бретон — «Этерна», — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00059-7

«...Портрет Наполеона, который предлагается в этой книге, безусловно, удивит очень многих читателей. Дело все в том, что лицемерные и сострадательные историки полностью исказили настоящий портрет императора. Поставив себе целью изобразить некоего полубога, они сознательно скрыли от нас самую человеческую сторону его жизни: они не показали Наполеона в постели с женщиной. Наполеон, однако же, обожал женщин. И ради них он бросал бумаги, планы сражений, солдат и маршалов. Для того чтобы очаровать женщин, он раздавал им миллиарды франков. Для того чтобы их соблазнить, он писал им тысячи любовных писем и записок. Для того чтобы обладать ими, он отдавал им столько дней и ночей, что невольно встает вопрос: где же он брал время на то, чтобы править своей Империей и вести войны?.. Известно ли вам, что у него было больше любовниц, чем у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV, вместе взятых?.. Женское окружение ему было до такой степени необходимо, что понять его характер невозможно, если не принимать во внимание его подвиги на стеганом одеяле...»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00059-7

© Бретон Г.

© Этерна

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ги Бретон

История любви в истории Франции:

Том 7. Наполеон и его женщины

Во время больших кризисов удел женщин – скрашивать наши невзгоды.

Г. Наполеон

*Памяти моего предка,
египтолога Жана-Батиста-Проспера Жоллуа, участника
египетской экспедиции, посвящается*

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

В оформлении использован фрагмент работы Жана Огюста Доминика Энгра «Наполеон – первый консул» (1804)

Портрет Наполеона, который предлагается в этой книге, безусловно, удивит очень многих читателей. Дело все в том, что лицемерные и сострадательные историки полностью исказили настоящий портрет императора. Поставив себе целью изобразить некоего полубога, они сознательно скрыли от нас самую человечную сторону его жизни: они не показали Наполеона в постели с женщиной.

Наполеон, однако же, обожал женщин. И ради них он бросал бумаги, планы сражений, солдат и маршалов. Для того чтобы очаровать женщин, он раздавал им миллиарды франков. Для того чтобы их соблазнить, он писал им тысячи любовных писем и записок. Для того чтобы обладать ими, он отдавал им столько дней и ночей, что невольно встает вопрос: где же он брал время на то, чтобы править своей Империей и вести войны?..

Известно ли вам, что у него было больше любовниц, чем было у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV, вместе взятых?..

Женское окружение ему было до такой степени необходимо, что понять его характер невозможно, если не принимать во внимание его подвиги на стеганом одеяле. Со своими прекрасными подружками он проявляет одно из своих главных качеств: мальчишество.

Это мальчишество заставляло его играть в чехарду на лужайке перед Мальмезоном с придворными дамами и молоденькими фрейлинами, прятаться под подушки для того, чтобы рассмешить мадемуазель Жорж, переодеваться в платье горожанина для того, чтобы ночью отправиться в город на поиски новых любовных приключений, прогуливаться по Парижу переодетым в компании с Марией Валевской или же бежать босиком по коридорам дворца Фонтенбло за красивой дамой, читавшей императрице книги, только из-за того, что округлый зад этой дамы привел его в хорошее настроение...

Женщины не только доставляли ему мгновения наслаждения, некоторые из них оказали достаточно большое влияние на его судьбу: Жозефина дала ему возможность стать Главнокомандующим Итальянской армией. Полина Фурес помогла завоевать славу в Египте, Дезире Клари была его единственной помощницей в государственном перевороте 18 брюмера и т. д.

И вот мы уже далеки от легенды...

Естественно, этот несколько неприличный портрет Наполеона как мальчишки и волокиты было бы невозможно создать без достаточного количества непровержимых доказательств. Именно поэтому я посчитал необходимым часто и довольно долго цитировать показания свидетелей самых на первый взгляд необычных и неожиданных сцен.

И это позволяет мне утверждать, что далеко не всегда Наполеон держал руку за отворотом мундира...

Глава 1

В качестве приданого Жозефины Бонапарт получает пост главнокомандующего Итальянской армией

Приданое – это смысл женитьбы, а любовь – ее повод.
Коммерсон

2 октября 1795 года в четыре часа дня двое приехавших из Парижа жандармов заняли пост у въезда на мост Круасси-сюр-Сен и, не теряя ни минуты, принялись крутить усы с тем задумчивым и подозрительным видом, который уже тогда начал быть характерным для конно-полицейской стражи.

В то же самое время семьдесят их собратьев через каждые сто метров заняли посты от Нантерра до Буживаля и начали производить большим и указательным пальцами ту же самую операцию с усами.

Это развертывание сил производилось вовсе не для того, чтобы обеспечить прохождение военной колонны или проезд какого-нибудь политического деятеля по делам государственной важности.

Все эти семьдесят два жандарма в этот прекрасный золотой осенний день накручивали усы на одной из дорог Иль-де-Франса лишь только потому, что Баррас¹ соизволил, как это было заведено раз в десять дней, отправиться получать непередаваемое – но совершенно естественное – удовольствие с госпожой де Богарнэ, проживавшей в одном небольшом домике в Круасси².

Для того чтобы придать побольше пикантности любовным забавам, член Конвента, проявлявший иногда в любви стадный инстинкт, привозил к этой своей любовнице нескольких горячих, легкомысленных, доступных и всегда готовых отвечать на любой жест красоток. Они всегда приезжали к ужину.

Часов около пяти с Елисейских Полей отъехала большая карета, которую приятель Барраса трактирщик Дуаен³ загрузил доверху разными деликатесами, корзинками с вином и шампанским. Она отправилась к госпоже де Богарнэ. По прибытии ее Мари-Роз⁴ вышла из дома и сделала кучеру знак закрыть двери сада. Во время неурожая не следовало показывать жителям Круасси, что хозяева Конвента не голодают со всем народом.

После того как ворота сада были закрыты, из кареты вытащили провизию и в маленьком салоне был накрыт стол возле камина с приготовленными дровами. Когда пришло время расставлять приборы, Мари-Роз отправилась занять тарелки и бокалы у своего соседа господина Паскье, которому было суждено стать докладчиком в Государственном совете и префектом императорской полиции...⁵

К шести часам вечера к дому подъехала другая карета. В ней прибыли госпожа Тальен, госпожа Амелен, соблазнительная креолка, чья походка околдовывала мужчин, а также двое сильных молодых людей, которых прекрасная Терезия всегда возила с собой «на всякий случай».

Мари-Роз встретила гостей с принятыми в свете восклицаниями, которые поразили кучера, милого доброго человека.

Затем все разместились в тоннеле из роз для того, чтобы самозабвенно обсудить последние столичные скандальные новости.

Без четверти семь прибыл Баррас, один, верхом. Три женщины нежно расцеловались с ним, и вскоре все уже сидели за столом. А семьдесят два жандарма, закончив работу, рысью вернулись в Париж, приведя свои усы в идеальное состояние.

Ужин прошел весело. Едва подали суп, Мари-Роз, госпожа Тальен и госпожа Амелен, сбросив с себя свои легкие одеяния, полностью обнажились. На закуску Терезия помочила концы сосков в бокале с шампанским Барраса. Когда подали птицу, Мари-Роз «вставила цветок левкой в корзиночку». Когда на столе появился салат, Фуртуне Амелен повязала на талию платок и исполнила очень возбуждающий танец.

Перед десертом Терезия встала на четвереньки на ковер и «стала имитировать плавную походку африканской пантеры». И наконец, с появлением на столе сыра Мари-Роз уселась на колени к члену Конвента и, как сообщает нам барон де Буйе, «показала ему, живо работая задом, какими хорошими навыками она обладает»⁶.

И тогда ужин приобрел чуть менее гастрономическую направленность. Будущая императрица увлекла будущего члена Директории на канаве и проявила себя, как отметил господин де Буйе, «гостеприимной хозяйкой, заботящейся об удобстве гостей».

А когда Баррас заменил левкой, госпожа Тальен улеглась перед огнем с одним из своих кавалеров «на всякий случай», а госпожа Амелен «предоставила свое сладострастное тело в полное распоряжение третьего приглашенного».

Ночь прошла очень бурно. Когда первые лучи солнца прорвали плававший над Сеной туман, Мари-Роз и ее гости спали на полу, лежа в ужасном беспорядке...

В семь часов утра семьдесят два жандарма снова стояли на своих постах, уставившись глазами в воображаемую линию горизонта, начиная от моста Круасси до Заставы Руля, для того, чтобы охранять возвращение Барраса и его любезных потаскух, то есть лиц, которые с таким пылом защищали демократические свободы от возможного нападения на них грабителей с большой дороги или же каких-нибудь злобных роялистов.

В девять часов Баррас со слегка усталым лицом вышел из дома Мари-Роз. Он немного прогулялся по саду, вдыхая осенние запахи, и почувствовал себя совсем хорошо. Когда он направился к лошади, к нему подскочила, прыгая по гравию, госпожа де Богарнэ, одетая в прозрачный пеньюар.

– Поль!..

Она бросилась ему на шею, ласкающаяся, мурлыкающая, соблазнительная. Он все понял и сухо спросил:

– Сколько ты хочешь?

Она потупилась:

– Я задолжала 3000 франков за несколько платьев...

– Я пришлю их тебе сегодня вечером.

Она прижалась к нему всем телом и наградила продолжительным поцелуем. Со слегка раздраженным видом он отстранился от нее, похлопал по щеке, сел на коня и галопом помчался в Париж...

Мари-Роз вернулась в дом радостная, не подозревая о том, что эта просьба в скором будущем навсегда разлучит ее с Баррасом и круто переменит ее судьбу.

Всю дорогу в столицу член Конвента размышлял. За несколько дней до того госпожа Тальен уже просила у него крупную сумму для Мари-Роз. Тогда он отказал. Но Терезия подошла прямо к секретеру, открыла его и забрала все деньги, что там лежали.

– Дорогой мой, – сказала она смеясь. – Ваши любовницы не должны ни в чем испытывать недостатка. Разве они не служат для того, чтобы удовлетворять все ваши вкусы?⁷

Он тогда тоже рассмеялся. Но в это утро он вдруг понял, что не может содержать эту женщину, которая не могла устоять перед любым украшением или же куском материи, которая швыряла деньги направо и налево и влезала в долги, словно потаскуха, «полагая, что Естество было настолько предусмотрительно, что дало ей средство, находившееся ниже пупка, для уплаты по всем ее счетам»⁸.

И он решил порвать с ней.

Но что же ждало в этом случае Мари-Роз?

Баррас на мгновение задумался, потом улыбнулся. В голове его родился довольно любопытный план. Для того чтобы освободиться от этой молодой женщины, ее следовало выдать замуж за маленького Бонапарта, который вот уже несколько месяцев старался добиться положения в обществе путем женитьбы⁹.

А чтобы уговорить слишком требовательную госпожу де Богарнэ согласиться на этот странный союз, достаточно было вывести из тени этого худосочного генерала, которого она встречала в доме госпожи Тальен, и дать повышение по службе. Что же касается маленького корсиканца, то он должен был быть счастлив тем, что породнится с аристократической семьей.

Поэтому у каждого должно было сложиться убеждение в том, что он провернет ловкое дело. А будущий член Директории, освободившись от этой стеснявшей его связи, сможет целиком посвятить себя служению прекрасной Терезии, любовный талант которой он мог по достоинству оценить прошедшей ночью.

Пока Баррас готовил таким образом свое будущее, Мари-Роз завтракала со своими друзьями. В десять утра госпожа Тальен, госпожа Амелен и оба их кавалера уселись в привезшую их карету. В последний момент к ним подседа госпожа де Богарнэ.

– Я провожу вас до поворота на парижскую дорогу, а домой вернусь пешком.

У второго поворота она вылезла из кареты. Кучер взмахнул кнутом, и карета помчалась в Париж, а Мари-Роз некоторое время постояла еще на дороге, посылая прощальные приветствия своим друзьям.

Когда карета скрылась из виду, виконтесса неторопливо направилась в сторону Круасси, собирая цветы и разглядывая через кроны деревьев крыши большого строения, стоявшего на склоне холма.

Это жилище привлекало ее внимание по причине ходившей о нем легенды. Рассказывали, что в XI веке один норманнский вождь по имени Одой обосновался в этом месте для того, чтобы нападать на путников, брать с них выкуп и по необходимости перерезать им горло. Легенда утверждала, что этот варвар велел своим людям приводить к нему женщин и девиц со всей округи и грубо насиловал их на сундуке...

Этот гнусный Одой сеял в этих краях такой ужас, что народ назвал его логово «*mala mansion*» (нехороший дом). Долгие века окрестные жители утверждали, что в развалинах этого покинутого замка поселился дьявол.

Легенда эта, однако, нисколько не помешала монахам из монастыря Сен-Дени заниматься в этом поместье сельским хозяйством. А Мари-Роз знала, что с 1792 года бывшее логово Одона (заново отстроенное в XVII веке) принадлежало богатому банкиру господину Лекуто де Кантеле.

Итак, поместье, владелицей которого мечтала стать будущая императрица и вокруг которого, движимая любопытным предчувствием, она обычно гуляла, называлось Мальмезоном...

В Париж Баррас прибыл к полудню. Он был расслаблен и доволен собой. Едва он слез с коня, как к нему подбежал один из секретарей Конвента и сообщил тревожную новость. Надевшиеся на реставрацию Бурбонов роялисты приобрели за несколько последних дней множе-

ство сторонников в секциях Национальной гвардии, и теперь можно было ждать самого худшего.

На следующий день, 4 октября (12 вандемьера), ситуация резко обострилась. Члены Конвента с ужасом узнали о том, что монархисты, располагавшие сорокатысячной армией, готовились двинуться на Тюильри. Охваченные паникой депутаты Конвента назначили Барраса главнокомандующим Внутренней армией.

Баррас начал с того, что снял с должности генерала Мену, которого врожденная нелюбовь к боям заставила начать переговоры с восставшими. Затем он заявил трясущимся от страха членам Конвента:

– Заменить Мену очень просто. У меня есть человек, который нам нужен. Это Бонапарт, тот самый офицер, который спас Тулон. Он сделает все, что нужно.

Комитет общественного спасения с радостью согласился¹⁰. Но Баррас пояснил, что этот маленький корсиканский генерал был отстранен от исполнения служебных обязанностей с тех пор, как отказался служить в Вандейской армии.

– Восстановить его на действительной службе! – постановил председатель Комитета общественного спасения, по лицу которого струился пот.

Именно этого и хотел Баррас. Он немедленно послал за Бонапартом в гостиницу «Синий циферблат» на улице Юшет.

Национальный гвардеец, которому вручили наспех составленный приказ, помчался в тот грязный и зловонный квартал, где проживал будущий император Франции. Спустя полчаса он вернулся, но один. Бонапарта он не нашел.

Тогда взбешенный Баррас велел искать его во всех гостиницах и кафе, где обычно болтался его протеже. В девять часов вечера двадцать пять гостиниц и семнадцать трактиров удостоились визитов гвардейцев, но результата эти посещения не дали.

Так где же был этот Бонапарт?

Где?

Да у противника...

Начиная с пяти вечера он действительно (большинство историков обычно этот факт стыдливо замалчивают) вел переговоры с восставшими. Жалованья он не получал, у военного начальства был не в почете, жил на ничтожную зарплату за исполнение маленькой должности в топографической службе вооруженных сил. И посему ему в голову пришла мысль предложить свою шпагу врагам Конвента в надежде получить за нее немалую цену.

Но переговоры шли плохо. Роялисты, отнесясь к Бонапарту как к простому наемнику, предложили ему за работу деньги. Слегка разочарованный этим, он стал торговаться насчет суммы, потребовал себе адъютантов и важный пост в случае победы.

В конце концов стороны вроде бы уже договорились, но тут часы пробили шесть ударов. Бонапарт внезапно поднялся.

– Разговор этот мы продолжим ночью, – сказал он. – А теперь прошу прощения, но срочное дело вынуждает меня быть в Париже. До скорой встречи.

Этим «срочным делом», которому суждено было решить его судьбу, было любовное свидание. Давайте послушаем барона де Буйе:

«Накануне 13 вандемьера Наполеон ушел от роялистов, уже считавших его своим человеком, и отправился в “Театр Фейдо”¹¹ на свидание с некоей молоденькой девицей по имени Сюзанна, проживавшей по улице Сурдьер в гостинице, где этот молодой офицер иногда проводил ночи, занимаясь очень приятными делами.

Этой девице, фамилии которой мы не знаем, было восемнадцать лет. Средства к существованию она добывала тем, что рисовала портреты. Бонапарт познакомился с ней однажды

вечером в “Республиканском Театре”, куда часто ходил по льготным билетам, которые доставал ему его приятель Тальма».

И барон добавляет одну пикантную подробность:

«Когда Бонапарт приходил с любовным визитом к Сюзанне, то из-за крайне малых размеров комнатки, где находила пристанище их любовь, ему приходилось класть шпагу на стул, а треуголку – на кувшин с водой. Произведя эти операции, он предавался наслаждению... Девушка заботилась о нем: стирала ему белье, штопала чулки, надраивала шпагу и готовила сосиски с чечевицей, которые он с наслаждением поедал в большом количестве...»¹²

Дори со своей стороны уточняет:

«Эта любовь была для Наполеона просто подарком судьбы. Ведя совместное хозяйство с этой юной художницей, он за неделю не тратил того, что до знакомства с ней успевал потратить за один день»¹³.

Мы видим, что счастливая звезда Бонапарта имела в тот день, 12 вандемьера V года, вид очаровательной блондинки. Ибо можно с уверенностью сказать, что, если бы он руководил операциями роялистов, 13 вандемьера сторонники Конвента, без сомнения, были бы истреблены. И в этом случае на трон взошел бы Людовик XVIII, а Империи бы не было.

Итак, Бонапарт встретился с Сюзанной в «Театре Фейдо», где в тот вечер шла комическая опера «Лодойска» композитора Керубини. Взявшись за руки, они вошли в зал и стали с нетерпением ждать, когда первый тенор начнет исполнять ту великолепную арию, которую в то время распевал весь Париж.

Чем оставить красоту вдали,
Лучше жизнь потеряю.
Я живу только ради любви
И во имя любви умираю.

В антракте к ним в ложу влетел, тяжело дыша, один из приятелей Бонапарта.

– Баррас повсюду разыскивает тебя, – сказал он будущему императору. – Его только что назначили главнокомандующим Внутренней армией, и он хочет взять тебя своим заместителем.

Затем он сообщил о том, что Бонапарта восстановили в армии, и описал охватившую Конвент панику.

– Тебе нельзя терять ни минуты!

Бонапарт, решив, что восстановление в армии и та должность, которую предлагал ему Баррас, были более интересными, нежели предложения роялистов, оставил Сюзанну наслаждаться в одиночестве музыкой Керубини, а сам поспешил в Тюильри.

Баррас встретил его неприветливо:

– Где ты был?

– В театре.

– Ходить в театр в то время, когда Республике угрожает смертельная опасность! Ты с ума сошел!

Раздраженный Бонапарт ничего на это не ответил, а только поинтересовался, какой будет его роль в борьбе против восставших.

– Все командные должности я уже отдал офицерам, которые явились первыми, – сухо ответил Баррас. – Ты будешь моим адъютантом...

После этого главнокомандующий поинтересовался новостями, и ему доложили о том, что роялисты были намерены начать атаку в четыре часа утра. Он повернулся к Бонапарту, который следовал за ним, понурился головой.

– Теперь ты видишь, что нельзя терять ни минуты и что я был прав, отругав тебя за то, что ты не прибыл раньше...¹⁴

Потом он смягчил тон и дал понять своему протеже, что тому отводилась должность заместителя главнокомандующего.

Тогда Бонапарт поручил одному юному офицеру (это был Мюрат, его будущий свояк) доставить в Тюильри те пушки, которые поместили в Саблон и охраняли из рук вон плохо. На заре 13 вандемьера, благодаря находчивости и смелости, он мог уже противопоставить восставшим что-то.

Утром войска восставших сконцентрировались на улице Сен-Оноре и на улице Конвента (нынешняя улица Сен-Рош). Бонапарт, у которого под рукой было всего лишь 7000 человек, немедленно превратил Тюильри в укрепленный лагерь.

В пять часов вечера роялисты двинулись на штурм. Но им противостоял тот, кто накануне предлагал им свою шпагу... Сметенные яростным огнем с Королевского моста, затем со ступенек церкви Сен-Рош, восставшие в панике бежали, оставив на мостовой 5000 трупов.

С восстанием было покончено.

24 вандемьера (16 октября) благодарный Конвент произвел своего спасителя в чин дивизионного генерала и назначил главнокомандующим Внутренней армией. Ставшего внезапно национальным героем Бонапарта стали все привечать, приветствовать, приглашать в гости. Каждый считал за честь позвать к себе домой героя дня «генерала Вандемьера».

Баррас воспользовался этим увлечением парижского общества для того, чтобы подготовить свадьбу, которая должна была избавить его от госпожи де Богарнэ. Он организовал ужин, на который были приглашены Камбасерес, Фрерон, Карно, Тальма, Бонапарт и его младший брат Люсьен, банкир Уврар, госпожа Тальен и Мари-Роз.

Последняя не узнала застенчивого и неловкого «кота в сапогах», которого раньше встречала в «хижине» Терезии. «Чудесный гриб, выросший всего за восемь дней», как назвал его Октав Обри, Бонапарт вел себя властно, самоуверенно, и это сделало его неузнаваемым. Креолку усадили с ним рядом, и она очень долго расспрашивала его про Корсику, которую, впрочем, очень часто путала с Сицилией...

Ее детские высказывания и манера говорить сюсюкая очень забавляли молодого генерала, и он отвечал ей с воодушевлением, причиной которого во многом было выставленное Баррасом вино.

Будущий член Директории краешком глаза постоянно наблюдал за этими двумя гостями. Чувствуя, что все устроится так, как ему хотелось, он целовал в шею прекрасную Терезию, чьи ослепительно-белые зубы так контрастировали с черными огрызками во рту госпожи де Богарнэ...

После ужина, как это и предвидел Баррас, прекрасно знавший психологию женщин, находящихся на содержании у мужчин, в голову Мари-Роз пришла мысль о том, что надо было бы сделать ставку на Бонапарта, который мог ей пригодиться, тем более что она видела, как член Конвента стал явно отдавать предпочтение госпоже Тальен и отдаляться от нее. И она решила снова увидеться с молодым генералом.

Но как это сделать? Она стала искать способ, и, поскольку женщиной она была хитрой, нашла. Узнав о том, что генерал отдал приказ сдать все находящееся у парижан оружие, она подослала к нему своего сына...

Вот как сам Наполеон описывает эту сцену, сыгравшую такую большую роль в его жизни:

«Мы начали проводить всеобщее разоружение секций. В штаб явился некий молодой человек лет десяти – двенадцати и стал умолять главнокомандующего вернуть ему шпагу отца, который был республиканским генералом. Звали этого молодого человека Евгением де Богарнэ, впоследствии он станет вице-королем Италии. Тронутый необычностью просьбы и

приятной наружностью юноши, я сделал все, о чем тот просил; увидя шпагу отца, Евгений зарыдал. Это очень тронуло меня, и я так хорошо отнесся к юноше, что госпожа де Богарнэ посчитала себя обязанной на другой день явиться в штаб и поблагодарить меня. Я немедленно нанес ей ответный визит»¹⁵.

Хитрость удалась, и, действительно, спустя несколько дней Бонапарт, окрыленный визитом госпожи де Богарнэ, уже звонил в дверь особняка на улице Шантрэн, в который креолка переселилась 10 вандемьера¹⁶. Он был принят как старый знакомый и очарован этой элегантной женщиной, которая показалась ему богатой и влиятельной...

Таким образом, оба они предполагали совершить выгодную сделку. Она считала, что нашла защитника, а он в это самое время думал о состоянии, которое должно было у нее остаться после смерти господина де Богарнэ...

Первое свидание вселило в Мари-Роз большие надежды, поскольку она с наслаждением чувствовала, как ее раздевал пылающий взгляд маленького генерала.

Она не без оснований стала надеяться на то, что он повторит свой визит. Но, занятый по службе, Бонапарт заставлял себя ждать. И тогда она, охваченная нетерпением, послала ему записку, очень откровенно говорившую о ее желаниях:

«Вечеру 6-го

Вы больше не приходите увидеться с другом, который Вас любит; Вы полностью покинули ее, и Вы очень не правы, поскольку она к Вам испытывает неясную привязанность (sic).

Приходите же завтра, в септиди¹⁷ ко мне обедать. Вы мне нужны, и нам надо поговорить с

Вами о Ваших делах. До свидания, друг мой, целую Вас.

Вдова Богарнэ».

Слегка оторопев от такого послания, Бонапарт немедленно написал ответ:

«Вы совершенно заблуждаетесь по поводу моего к Вам отношения. Я убедительно прошу Вас доставить мне удовольствие поверить в то, что никто так не желает завоевать Вашу дружбу, как этого желаю я, что никто более меня не готов сделать что угодно для того, чтобы доказать Вам это.

Если бы дела мои позволили, я сам доставил бы Вам это мое письмо.

Бонапарт».

В воскресенье в полдень он снова был на улице Шантрэн, где госпожа де Богарнэ оставила его ужинать. После десерта она увлекла его в свою спальню...

Там, не теряя ни секунды, Бонапарт набросился на нее, повалил на кровать и овладел с таким пылом, что виконтесса была тронута до глубины души. После чего, раздевшись, он снова лег в постель, нахмутив брови, «словно пожарный, входящий в охваченный пламенем дом...».

В десять утра Жозефина (с тех пор она будет носить это имя) заснула с ощущением необычайной легкости в теле...

На другой день она получила от Бонапарта письмо, орфографические особенности которого мы постарались сохранить:

«7 часов утра.

Я просыпаюсь наполненный тобой. Твой облик и опьяняющие воспоминания о вчерашней ночи не дают покоя моим чувствам. Нежная и несравненная Жозефина, какое странное действие Вы производите на сердце мое! Вы сердитесь? Вы чем-то опечалены? Вас что-то

тревожит? Душа моя разбита болью, и нет Вашему другу никак покоя... Но не в этом ли моя выгода, поскольку, подчиняясь охватившему меня глубокому чувству, я пью с Ваших уст огонь Вашего сердца обжигаящий меня. Ах! Этой ночью я обнаружил, что портрет Ваш – это вовсе не Вы! Я выезжаю в полдень и увижусь с тобой через три часа. А пока что, mio dolce amor¹⁸, илю тебе миллион поцелуев, но не возвращай их, мне поскольку они воспаляют мою кровь.

Б. П.»¹⁹

Некоторое время любовники встречались тайно, но когда Бонапарта назначили главнокомандующим Внутренней армией, он решил жениться на Жозефине.

Несмотря на огромную любовь, которую он питал к молодой вдове, Бонапарт, тем не менее, решил посоветоваться с мудрым другом. А коварная судьба поставила в качестве такого друга именно Барраса...

Увидев смущение на лице пришедшего к нему Бонапарта, Директор²⁰ сразу же понял, что все идет по намеченному им плану. Но, не желая выдавать себя, он начал с того, что, напустив на себя суровый вид, стал выговаривать генералу за то, что все те богатые подношения, который тот сделал Жозефине, были куплены на деньги, взятые из казны Внутренней армии:

– Ты, кажется, принял эту Богарнэ за одного из солдат 13 вандемьера, которого должен был включить в раздаточную ведомость? Лучше бы ты послал эти деньги своей семье, которая в них очень нуждается и которой я не так давно помог средствами.

«Бонапарт покраснел, – пишет Баррас в своих “Мемуарах”, – но не стал ничего отрицать.

Поскольку я продолжал шутить над его щедростью, которая явно свидетельствовала о его безумной страсти, он рассмеялся вместе со мной и сказал:

– Подарков любовнице я никаких не делал и не собирался соблазнять эту девственницу: я, скорее, из тех, кто предпочитает зрелую любовь юношеским вздохам... Так вот! Что бы вы сказали, гражданин Директор, если бы я действительно был в связи с госпожой де Богарнэ и если бы те подарки, в которых вы меня упрекаете, были свадебными?»

Баррас с трудом сдержал себя, чтобы не расхохотаться. Но сделал вид, что размышляет. А через несколько минут произнес:

– Вообще-то эта мысль о свадьбе не столь уж и смешна...

– А кроме того, госпожа де Богарнэ богата, – сказал Бонапарт.

Роскошь, в окружении которой жила молодая женщина, ослепила маленького генерала. Он не знал только того, что Жозефина жила на те средства, которые занимала у всех подряд, и что то богатство, которым она (по ее словам) владела на Мартинике, на самом-то деле принадлежало ее матери...

– Честное слово, – снова заговорил Баррас. – Если уж ты пришел ко мне за советом, то я отвечу тебе твоими же собственными словами: а почему бы и нет? Ты одинок, ничем не связан. Твой брат Жозеф уже указал тебе дорогу к женитьбе: приданое Клари позволило ему выкарабкаться из нищеты²¹. Ты говоришь, что у тебя больше нет средств и что тебе нельзя больше терять времени. Что ж, женись: женатый мужчина пользуется в обществе большим уважением. Он тверже стоит на ногах и лучше противостоит своим противникам...

Именно эти слова Бонапарт и хотел услышать от Барраса. Поблагодарив Директора, он с легким сердцем умчался... А Баррас в это время наслаждался торжеством своего разума...

Но, как в классическом водевиле, вскоре к Директору обратилась за советом молодая вдова.

Вот как Баррас описывает эту сцену:

«Спустя несколько дней ко мне явилась госпожа де Богарнэ и поделилась своими тайнами. Начала она с того, что в этой новой связи сердце ее не принимает ни малейшего участия. Что из всех мужчин, кого она могла бы полюбить, этот маленький “кот в сапогах” стоит

на самом последнем месте: в нем нет ничего, что могло бы ей понравиться. Он дорожит своей семьей попрошак, которая нигде не пользуется уважением; но у него в Марселе удачно женился брат, и тот обещает помочь остальным членам семьи...

Госпожа де Богарнэ призналась мне в том, что Бонапарт преподнес ей щедрые подарки, позволившие ей предположить, что средств у него гораздо больше, чем все полагают.

– Что же касается меня, – сказала она, – я не считаю необходимым скрывать того, что нахожусь в крайне стесненных обстоятельствах; он полагает, что у меня уже есть некоторые средства, и думает, что я могу получить еще больше с Мартиники. Не говорите ему, дорогой друг, того, что вы знаете, иначе все сорвется. И, хотя я его вовсе не люблю, я постараюсь повернуть это дельце, поскольку этого желаете вы. Ведь я всегда буду любить только вас, поверьте мне. Роза всегда будет принадлежать вам, всегда будет вам рада, стоит вам только подать знак. Но я знаю, что вы меня вовсе не любите, – продолжала она, обрушив на меня вдруг поток слез, проливать которые она была большая мастерица. – И это больше всего печалит меня и не дает мне успокоиться, хотя я и очень стараюсь. Когда женщине довелось любить такого мужчину, как вы, Баррас, может ли она иметь в этом мире какую-то другую привязанность?..

– А как же Ош? – возразил я, не проявляя ни малейшего волнения, и даже с улыбкой. – Вы ведь его так любили. А его адъютант, а Ванакр²² и tutti quanti²³? Вы, однако, игривая особа...»

Эти слова привели в замешательство госпожу де Богарнэ, которая, не зная, как ей следовало себя вести, решила, что лучше было продолжать рыдания, омывая руки Барраса горячими слезами и покрывая их поцелуями. Но это ему быстро надоело, и он, вызвав колокольчиком слугу, велел заложить карету и отвезти гостью домой.

«Я отправил с ней одного из моих адъютантов... Слезы ее быстро высохли, еще совсем недавно искаженное от страданий лицо вновь приобрело спокойную миловидность и обычное для него кокетливое выражение.

По возвращении адъютант сообщил мне, что дама прибыла домой в полном порядке. За все время дороги она лишь несколько раз горестно вздохнула и сказала только:

– Почему только человеческое сердце не зависит от его рассудка? Зачем было любить такого человека, как Баррас? И как разлюбить его? Как забыть его? Как навсегда перестать думать о нем и начать думать о ком-либо другом? Умоляю вас, передайте ему, что я буду всегда ему предана и что всегда буду любить только его, что бы со мной в этом мире ни случилось...»

Конечно же, такие слова очень польстили самолюбию Директора. Но он все же поздравил себя с тем, что вовремя подтолкнул эту беспокойную любовницу в объятия Бонапарта...

В скором времени в особняке на улице Шантрэн Жозефина приняла «жениха» и изложила ему свою версию ее недавнего разговора с Баррасом.

– Этот человек был гнусен, – сказала она. – Он попытался изнасиловать меня. Он давно уже домогался меня, но на этот раз мне пришлось бороться с ним. Он крепко держал меня, мы упали оба на ковер, и тут я потеряла сознание.

Бонапарт ужасно разозлился и сказал, что сию минуту он отправится к Баррасу и потребует от него удовлетворения за оскорбление, нанесенное им его будущей супруге.

Жестом, вдохновившим барона Гро написать свое замечательное полотно, Наполеон схватился за шпагу. Испуганная креолка схватила его руку и, став сразу же нежной, сказала:

– Послушай, у Барраса, следует признать, манеры несколько грубоватые, но человек он добрый и отзывчивый. Он хороший и верный друг, и если кто-то сумел его заинтересовать, то может быть уверенным в том, что Баррас его не оставит и будет принимать в его делах самое активное участие. А посему нам следует принимать людей и события такими, какие они есть. Может ли Баррас быть нам полезен с точки зрения его нынешнего положения? Вне сомнения, может. Давай же используем это, а остальное позабудем²⁴.

Эти слова успокоили Бонапарта. Верный привычке извлекать выгоду из самых запутанных ситуаций, он произнес с улыбкой фразу, которую биографы Наполеона стараются нигде не цитировать:

– О! Если бы он доверил мне командование Итальянской армией, я бы простил ему все: я стал бы самым признательным из людей, я не подвел бы его, и, таким образом, мы провернули бы неплохое дельце. Мало того, я уверяю тебя, что мы вскоре могли бы купаться в золоте...²⁵

Для Жозефины это было решающим доводом.

– Ты эту должность получишь, – пообещала она. Бонапарт знал, как и чем следовало благодарить женщин. И, взяв креолку на руки, он отнес ее на кровать, снял с нее одежду и постарался быть ей приятным с помощью испытанных уже средств...

С того дня Бонапарт, по словам Роже де Парна, «поставил свою невесту на службу своему честолюбию».

Почти ежедневно он заставлял Жозефину навещать Барраса для того, чтобы хлопотать о должности главнокомандующего Итальянской армией, делая вид, что ничего не знает о связи, существовавшей между Директором и виконтессой.

Это отсутствие предрассудков очень удивило многих, начиная с самого Барраса.

Послушаем, что он пишет:

«Признаюсь ли я в этом? Да, признаюсь, поскольку пишу свои “Мемуары”, не дав им скучного и скромного названия “Исповедей”; я признаюсь, поскольку они могут попасть в руки какого-нибудь француза, воспитанного в духе рыцарства, что у меня была в некотором роде близость, теперь, правда, давняя, но вполне реальная связь с госпожой де Богарнэ.

В моих признаниях мало высокомерия, а кому-то может показаться, что они полны скромности. Однако же сложилась такая ситуация, которая не могла ускользнуть от сведения тех, кто был в курсе моей частной жизни. А посему все знали, что госпожа де Богарнэ считалась одной из первых моих любовниц, а Бонапарт, часто у меня бывавший, был одним из самых осведомленных обо мне лиц и не мог не знать всего этого. Но кажется, что то, что очень трогает нормальных мужчин, было для него совершенно безразличным, и в этом он намного превосходил других.

Таким образом, собираясь жениться на госпоже де Богарнэ и не будучи осведомлен о том, порвал ли я эту связь или же нет, он, тем не менее, собственноручно приводил в Директорию свою будущую супругу: она уже служила ему в делах, помогая его продвижению по службе.

Поскольку он был вынужден постоянно меня о чем-нибудь просить, то решил, что будет выглядеть менее навязчивым, если просить будет она.

Госпожа де Богарнэ неоднократно, желая переговорить со мной без свидетелей, просила меня без церемоний пройти с ней в мой кабинет. Бонапарт оставался ждать ее в салоне, коротая время за разговорами с посетителями.

Однажды госпожа де Богарнэ затянула нашу беседу дольше обычного, и, главное, дольше, чем того хотелось мне: она пылко говорила мне о нежности, которую всегда испытывала ко мне и на которую никак не могло повлиять предполагаемое замужество. Обняв меня, она упрекнула в том, что я больше не люблю ее, еще раз повторив, что любит меня больше всех на свете и не может порвать со мной, став женой “маленького генерала”.

Я оказался почти в таком же положении, в каком был Иосиф с госпожой Пютифар. Но я не стану лгать и говорить, что я был таким же жестоким, как тот молодой министр египетского фараона.

Из кабинета я вышел вслед за госпожой де Богарнэ не без некоторого смущения...»²⁶

Спустя несколько дней Баррас, довольный тем, что так легко отделался от этой истерички, сообщил «маленькому генералу», что тот назначен главнокомандующим Итальянской армией²⁷.

Добившись своего, Жозефина объявила всем, что намерена выйти замуж за этого Буонапарте, имя которого парижане так плохо выговаривали, но чей пыл был ей так хорошо известен...

Глава 2

Бурная брачная ночь Бонапарта

Адам и Ева были счастливы в Раю земном, но тут появился зверь...

Масиллон

9 марта 1796 года около восьми часов вечера в салоне мэрии 2-го округа, что на улице Антеи, скучали шесть человек.

Эти шестеро, собравшиеся у камина, были: Жозефина, Кольмеле (юрист), Ле Маруа (адъютант Бонапарта), Баррас, Тальен и чиновник отдела регистрации гражданских браков Коллен-Лакомб.

На улице шел проливной дождь.

– Надеюсь, что он не забыл, – прошептала Жозефина.

– У него много работы, – сказал в ответ Баррас. – Он готовится к отъезду в Италию. Сейчас ему предстоит немедленно решить бесчисленное множество вопросов.

Жозефина ничего на это не ответила, и во вновь наступившей тишине слышалось только потрескивание дров в камине.

О чем же она тогда думала, неотрывно глядя на огонь? Быть может, о той старой караибке из Фор-де-Франс, которая сказала ей, семилетней девочке:

«Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон...»²⁸

И от этих воспоминаний она, возможно, впала в меланхолию...

Ведь этот невзрачный маленький генерал, с которым ей предстояло этим вечером связать свою судьбу, вовсе не был похож ни на сверхчеловека, ни на будущего монарха...

И однако же она верила в это предсказание. Верила так сильно, что эта вера помогла ей перенести все невзгоды революционных тюрем.

В девять часов вечера чиновник службы регистрации браков задремал, а свидетели, не решаясь взглянуть на «невесту», нервно вышагивали взад-вперед по салону.

Наконец, когда часы уже пробили десять, на лестнице раздались энергичные шаги. Дверь с шумом распахнулась, и в салон влетел Бонапарт. Подскочив к Коллен-Лакомбу, он стал трясти его за плечо:

– Ну же, господин мэр, пожените нас поскорее!..

Чиновник мэрии, с еще мутными от сна глазами, открыл свою регистрационную книгу, и все присутствовавшие в полной тишине заслушали запись о заключении брака, которая была занимательна уже тем, что была полностью неправдой: Бонапарт из галантности постарел на год, а Жозефина из кокетства помолодела на сорок восемь месяцев. Новобрачный назвал своим местожительством мэрию, его свидетель был слишком молод и не имел права заверять акт о браке... Согласитесь, любопытный был составлен официальный документ, особенно для молодого человека, чье имя позднее стал носить Гражданский кодекс...

После оглашения этого лживого документа были произнесены положенные в данном случае фразы, поставлены необходимые подписи, и все вывалили на улицу.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал Бонапарт ошарашенным свидетелям. – Увидимся завтра. Спокойной ночи.

После этого он втащил Жозефину в карету, которая во весь опор помчалась на улицу Шантрэн²⁹.

Для маленького генерала эта свадьба была очень выгодным делом. Женившись на вдове Богарнэ, он получал доступ в общество «бывших», роскошной жизни и элегантности которых всегда очень завидовал. А кроме того, он «становился французом»³⁰ и владельцем уютного

особняка, окруженного садиком... Богатства, о котором прожужжала ему все уши Жозефина, конечно же не существовало в природе, но креолка принесла ему в качестве приданого пост главнокомандующего Итальянской армией³¹.

А посему он раздевал супругу с довольной улыбкой на лице и с огромным желанием нанести ей самые сладостные оскорбления...³²

Собираясь лечь в постель, Бонапарт увидел, что на покрывале лежит мопс Жозефины по кличке Фортюне.

Он собрался было согнать собаку с кровати, но креолка запротестовала:

– Ты ведь не станешь беспокоить бедную собачку за то, что ей захотелось поспать на моей кровати, – сказала она. – Погляди, как он ласково на тебя смотрит... Надо быть бессердечным человеком, чтобы прогнать его.

Генерал твердо считал, что каждый должен быть на положенном ему месте: мужчины на войне, любовники в постели, а собаки – в своих конурах. У него появилось огромное желание вышвырнуть мопса в окно, но, подумав, что для первой брачной ночи это было бы плохим прологом, он, не сказав ни слова, юркнул под одеяло.

Едва соприкоснувшись с гибким горячим телом Жозефины, он стал думать совсем о другом, и, как красиво выразился господин де Равин, «маленькая капризная собачонка была тут же забыта из-за нежной шкатулки, которую будущая императрица тайно взрастила в месте соединения ее нежных шелковистых бедер...».

После нескольких прикосновений, имевших целью уточнить намерения, Бонапарт набросился на Жозефину с такой яростью, что испугал собачку.

Фортюне, не привыкший видеть, чтобы с его хозяйкой обращались так грубо, отчаянно залаял.

Бонапарт, продолжая начатое дело, попытался успокоить животное нежными и ласковыми словами. Он называл его, хотя и тщетно, золотым красивым барашком, розовым кроликом, ангелочком. И наконец, не выдержав, двинул ему ногой в брюхо.

Собака с жалобным визгом слетела на ковер, а супруги продолжили свои сладостные занятия.

Вдруг Бонапарт дико закричал, и счастливая Жозефина подумала, что муж ее достиг вершины блаженства. Но она ошибалась: это был не крик сладострастия, а вопль боли. Дело в том, что Фортюне, которому удалось-таки вскарабкаться на кровать и шмыгнуть под одеяло, впился своими острыми клыками в лодыжку будущего победителя под Аустерлицем...

После этого парочка продолжать любовные игры уже не смогла. У генерала пропал всякий интерес к удовольствиям.

«До самого утра, – рассказывает все тот же господин де Равин, – огорченная Жозефина ставила примочки из липового цвета на рану пострадавшего, который, корчась на кровати от боли, твердил жалобным тоном, что умрет от бешенства»³³.

Так, словно в веселом водевиле, закончилась первая брачная ночь величайшего человека всех времен и народов...³⁴

На другой день об этой свадьбе в довольно пренебрежительном тоне сообщила одна из газет:

«Генерал Буона-Парт, столь известный в Европе благодаря своим многочисленным подвигам (говорят, что прежде, чем стать генералом Французской республики, он был клерком у одного судебного пристава в Бастии), перед тем как отправиться в войска, чтобы

собрать новый урожай лавров на полях Марса, возжелал сорвать мирту Амура. Другими словами, это означает, что он захотел жениться.

На голову этого молодого героя возложили венок Амур и Гименей.

Он взял в жены госпожу де Богарнэ, молодую, сорокадвухлетнюю вдовушку, которая была неплоха собой до тех пор, пока во рту ее оставался последний зуб, украшавший самый маленький в мире рот.

Церемония бракосочетания прошла очень весело. Свидетелями были господа Баррас (...), Тальен и его прекрасная Кабаррю.

Господа Тальен и Баррас были очень любезны друг с другом. Они не могли глядеть на генерала Буона (sic!) без улыбки, понимая, что с их сердец свалился камень и что отныне совесть их чиста»³⁵.

Спустя два дня, 11 марта, Бонапарт выехал из Парижа и отправился в Ниццу принимать командование армией.

В Шансо его ждало огорчение в виде письма от Дезире Клари, той самой юной марсельки, которой несколько месяцев тому назад он клялся в вечной любви³⁶.

Чувствуя себя очень неловко, он прочел письмо, содержанию которого суждено было навечно запечатлеться в его памяти и заставить его мучиться угрызениями совести всю жизнь.

«Вы сделали меня несчастной до конца моих дней, но у меня хватает еще слабости простить Вам все.

Итак, Вы женаты. И теперь, значит, больше не дозволено бедной Эжени любить Вас, думать о Вас. Вы говорили, что любите меня... И женились?!

Нет, не могу свыкнуться с этой мыслью! Она убивает меня. Я этого не могу пережить! Я докажу Вам, что я была более верна своему слову, и, несмотря на то что Вы разорвали существовавшие между нами связи, никогда больше я не дам никому обещания, никогда не выйду ни за кого замуж. Мои несчастья научили меня разбираться в мужчинах и беречь от них мое сердце.

Я попросила Вашего брата вернуть мне мой портрет. И теперь я обращаюсь к Вам с этой же просьбой. Вам этот портрет, очевидно, не нужен, особенно сейчас, когда у Вас есть портрет той женицины, которая, безусловно, Вам дорога. Сравнение, естественно, не в мою пользу, поскольку жена Ваша во всем превосходит бедную Эжени, которая, возможно, превосходит ее только лишь в крайней к Вам привязанности.

После года разлуки я так мечтала о счастье! Я так надеялась вскоре увидеться с Вами и стать счастливейшей из женицин, выйдя за Вас замуж!

...Теперь мне осталось одно лишь утешение: убедить Вас в моем постоянстве. А после этого я хочу лишь одного: умереть. Жизнь – это жестокая пытка, и я не могу больше посвятить ее Вам.

Желаю Вам счастья и успехов в вашем браке. Я хочу, чтобы женицина, которую Вы избрали для того, чтобы сделать счастливой, заслужила больше счастья, чем я и чем Вы этого заслуживаете. Но я прошу Вас, если Вы достигнете вершины счастья, не забывать про Вашу Эжени и посочувствовать ее доле.

Эжени».

Бонапарт смущенно сложил письмо и сунул его в карман... С этого дня мысль об исправлении этой совершенной им несправедливости не покидала его. Она преследовала его до острова Святой Елены и тогда, когда он давал большое приданое за юной марселькой, становившейся королевой Швеции...

По пути к Средиземному морю любовь Бонапарта к жене переросла в безумную страсть. На каждом привале он показывал встречавшим его военным портрет Жозефины:

– Она прекрасна, не правда ли?

И по нескольку раз в день он писал ей письма, которые отсылал с нарочными на улицу Шантрэн.

Эти письма были полны страсти:

«Каждое мгновение отдаляет меня от тебя, обожаемый друг, и каждое мгновение я нахожу в себе все меньше сил для того, чтобы переносить то, что я удаляюсь от тебя. Ты постоянно занимаешь мои мысли. У меня не хватает воображения придумать, чем ты занимаешься. Представив тебя грустной, я чувствую, как сердце мое разрывается, а боль моя – углубляется. Представив тебя веселой, игривой, с приятелями, я начинаю упрекать тебя в том, что ты очень быстро забыла наше тягостное трехдневное прощание: значит, ты легкомысленна и пока еще не познала глубоких чувств.

Видишь, мне трудно угодить. Напиши мне, нежный мой друг, и пусть письма твои будут длинными. Шлю тебе тысячу и один поцелуй самой нежной и честной любви».

Вскоре тон писем изменился. Мучимый желанием и ревностью, Бонапарт стал писать письма, полные безудержного романтизма.

В одном из таких писем, отправленных из Ниццы, он всерьез рассматривал возможность разорвать зубами свое сердце. Такое высказывание было уж совсем не к лицу главнокомандующему.

Вот что он писал:

«Не было дня, чтобы я не думал о тебе с любовью, не было ночи, чтобы я не сжимал тебя в объятиях. Я не выпил ни чашки чая без того, чтобы не проклясть славу и честолюбие, которые заставляют меня быть вдали от души моей жизни.

Решаю ли я тысячи вопросов, командую ли войсками, проезжаю ли по полям, одна лишь ты, моя восхитительная Жозефина, занимаешь мое сердце, мой разум, мои мысли.

И если я удалюсь от тебя со скоростью течения Роны, то лишь для того, чтобы поскорее вновь увидеться с тобой. Если я вдруг поднимаюсь среди ночи и начинаю работать, то это для того, чтобы хотя бы на несколько дней приблизить приезд моей нежной подруги.

И однако в своем письме, датированном 23–26 вантоза (13–16 марта 1796 года), ты обращаешься ко мне на ВЫ. Сама ты ВЫ!

Ах, нехорошая, как ты могла написать такое письмо! Какое оно холодное! И, кстати, с 23 по 26 – это целых четыре дня. Чем это ты занималась – у тебя не было времени написать письмо собственному мужу?

Ах, друг мой, это ВЫ и эти четыре дня заставляют меня с сожалением вспомнить о моем античном безразличии. Горе тому, кто заставит меня вновь к нему вернуться! Ему придется испытать на себе все те страдания и муки, которые испытываю я по причине убежденности и очевидности (которым и служит твой друг)! В Аду нет пыток, там нет ни Фурий, ни Змея! ВЫ! ВЫ! Ах, что же будет через неделю?

Душа моя грустна, сердце поет, а воображение просто пугает меня... Ты любишь меня менее сильно. Настанет день, и ты совсем разлюбишь меня.

Скажи мне тогда об этом. Уж этого-то я, по крайней мере, заслуживаю...

До свидания, жена, мука, счастье, надежда и смысл моей жизни, которую я люблю, которой боюсь, которая внушает мне нежные чувства, зовущие меня к природе, и порывы столь же яростные, как гром.

Тот день, когда ты произнесешь: “Я разлюбила тебя”, станет последним днем моей любви или моей жизни.

Было бы мое сердце достаточно подлым для того, чтобы любить безответно, я разорвал бы его зубами!

Жозефина! Жозефина!.. Не перестала ли ты любить меня?»

Последние строки писем свидетельствуют об идефиксе:

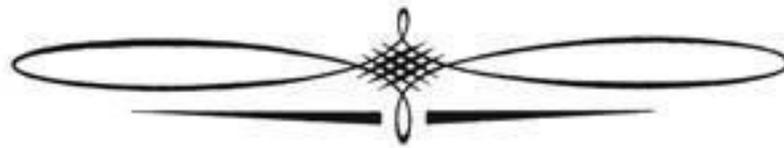
«Целую твои груди и ниже, гораздо ниже», – писал Бонапарт. Или еще: «Целую твой маленький черный лесок»...

Вот это уже совсем по-полевому и чуть-чуть кокетливо...

Получая эти взбалмошные послания, Жозефина хохотала:

– Бред какой-то! – говорила она.

А пока Бонапарт, возбужденный воспоминаниями о бурных ночах, проведенных с женой, ворочался на своей походной кровати, креолка предоставляла в пользование свое тело с шелковистой кожей любому молодому человеку, который ее об этом вежливо просил...

Глава 3

Из-за любви к Жозефине Бонапарт покрывает себя славой в Италии

Мужчина, позволяющий жене командовать, перестает быть самим собой и не походит на жену: он становится ничем.

Наполеон

В начале апреля 1798 года, объединив и возглавив шайки оборванных людей, составлявших войска Директории на юге страны, Бонапарт вступил в Италию и стал разрабатывать план нападения на австрийские войска.

Войска австрийского императора под командованием генерала Болье, усиленные пьемонтцами короля Сардинии, намеревались перейти через Апеннины, разгромить «оборванцев» с трехцветными кокардами и «без задержек» дойти до Лиона. Для того чтобы сдерживать лавину из шестидесяти тысяч обстрелянных и хорошо оснащенных солдат, Бонапарт располагал всего лишь тридцатью восемью тысячами голодных и разутых французских солдат. Но своим обращением к солдатам Наполеон зажег их сердца, пообещав, что даст им возможность пожить в захваченных городах:

«Солдаты! Вы раздеты и разуты, вы голодны, страна многое вам должна, но дать ничего не может. Ваше терпение и смелость, которые вы проявляете в этих скалах, достойны восхищения, но не приносят вам никакой славы. Я поведу вас на самые плодородные в мире равнины. Богатые провинции, большие города будут в вашей власти. Впереди вас ждут богатство, честь и слава!»

Орда рукоплескала ему:

– Вот это – командир! – восклицали солдаты. – Он знает, чего хочет!

А у этого молодого генерала, создававшего самую необычную армию всех времен, в голове была одна лишь мысль о жене. Он ежесекундно бросался то к стволу поваленного дерева, то к барабану, а то и к какому-нибудь камню с ровной поверхностью для того, чтобы написать полное страсти письмо и немедленно с нарочным отослать его в Париж...

Вечерами на бивуаках солдаты старались поменьше шуметь, полагая, что их командующий занят разработкой планов предстоящих сражений. Они были бы очень удивлены, узнав, что в этот момент их главнокомандующий думает о сладостном теле Жозефины. И стали бы меньше переживать, видя насупленные брови Бонапарта, если бы смогли догадаться, что суровый вид его был вызван вовсе не подготовкой к очередной кровавой схватке с неприятелем, а всего лишь поиском слов для написания полного ревности письма.

Да, маленький корсиканец ужасно страдал, представляя жизнь Жозефины в столице в окружении друзей, смазливых, представительных и любезных мужчин. 7 апреля он написал из Альбенга (стиль и орфография сохранены):

«Получил письмо, которое ты прекратила писать для того, чтобы, как ты говоришь поехать за город. И после этого ты говоришь, что ревнуешь меня который здесь завален делами и подавлен усталостью. Правда то, что я страдаю. Веною (весной) за городом очень красиво, а потом там безусловна был какой-нибудь девятнадцатилетний любовник».

Про этого «девятнадцатилетнего любовника» Бонапарт выдумал, даже и не подозревая того, что действительность намного превосходила его воображение...

Ибо Жозефина продолжала развлекаться точно так же, как в былые времена, и принимать в своей спальне столько мужчин, сколько того требовал ее темперамент...

Стараясь поскорее закончить войну, чтобы вновь быть с женой, Бонапарт набросился на австрийцев с такой решимостью, которая их просто ошеломила. За пятьдесят дней, одержав над противником шесть побед, он захватил двадцать одно вражеское знамя, похитил сто картин у папы римского, двадцать у герцога Пармского, тридцать у герцога Моденского, присвоил пятнадцать миллионов, разграбил библиотеки, опустошил музеи. За этим последовало подписание перемирия с Пьемонтом.

Гордый своими успехами, он решил продемонстрировать Жозефине все свое могущество и стал настойчиво приглашать ее приехать к нему в Италию.

Но молодая креолка не имела ни малейшего желания менять сладкую жизнь в Париже в атмосфере праздника и преклонения на неустроенную, полную неудобств походную жизнь. Кроме того, ее последний любовник Ипполит Шарль, красивый гусарский корнет, доставлял ей столько наслаждений, что она и мысли не допускала с ним расстаться...

Давайте послушаем Мармона:

«Генерал Бонапарт постоянно думал о своей жене. Он страстно желал ее и с нетерпением ожидал ее приезда... Он часто говорил мне о ней и о своей любви с таким воодушевлением, которое свойственно только очень молодым людям. Постоянное откладывание ее отъезда очень огорчало его, и у него случались приступы ревности. Кроме того, проявилось что-то вроде предрасположенности к суеверию, столь свойственному его натуре. Как-то раз стекло на портрете Жозефины, который он постоянно носил при себе, случайно треснуло. Он ужасно побледнел и прошептал: «Жена моя либо больна, либо изменяет мне»³⁷.

Но мы-то знаем, что она не болела!..

В конце мая Бонапарт отправил Мюрата в Париж с письмом, в котором умолял жену ускорить отъезд. Результат был совсем неожиданным: Жозефина стала любовницей Мюрата...³⁸

Именно тогда, чтобы остаться в Париже, Жозефина распространила слух о том, что ждет ребенка. Мюрату было поручено сообщить эту новость Бонапарту. Тот обезумел от радости и, потрясенный и смущенный, схватился за перо:

«Так, значит, ты и впрямь беременна? Мне написал об этом Мюрат; но он сообщил мне также, что ты плохо переносишь это, и дал понять, что было бы неосторожным заставлять тебя совершать столь длительную поездку.

Значит, мне придется еще несколько месяцев быть вдали от всего, что я люблю. Возможно ли, что я лишен счастья видеть тебя с животиком? Ты, должно быть, забавно выглядишь.

Ты пишешь мне, что сильно изменилась. Письмо твое короткое, грустное и написано дрожащей рукой.

Что с тобой, обожаемый дружок? Я полагал, что я очень ревнив, но, клянусь тебе, ничего подобного. Чем оставлять тебя в меланхолии, я уж лучше сам найду тебе любовника...»

Бедняга! В этом деле Жозефина в услугах мужа вовсе не нуждалась... Она прекрасно управлялась сама.

В июне, устав ждать, надеяться и отчаиваться, Бонапарт отправил Жозефине это горькое письмо, которое мы приводим со всеми особенностями его стиля и орфографии:

«Жизнь моя это вечный кошмар. Мрачное предчувствие мишаает мне дышать...»

Ты больна, ты любишь меня, я огорчил тебя, ты беременна, а я тебя не увижу. Эта мысль мучит меня. Я был так неправ по отношению к тебе, что не знаю как это исправить.

Я обвиняю тебя в том, что ты остаешься в Париже, а ты в это время нездорова. Прости меня, дружок. Любовь которую ты мне внушила атняла у меня Разум: я его никогда не верну назад. Ат этой болезни лекарства нет.

Мои предчувствия так мрачны, что я бы ограничился тему чтобы увидеть тебя, прижать к сердцу и умереть вместе с тобой...

Что касается меня то я не знал ни утешения, ни отдыха, ни надежды до того (...) как в длинном письме ты объяснила мне про твою болезнь...

Жозефина, как могла ты прожить столько время, ни написав мне? Твое последнее письмо, любимая, написано 3-го числа сего месяца. Оно снова меня опечалило. Но оно однако всегда при мне. Твой портрет и твои письма без конца у меня перед глазами...

Я без тебя ничто. Я с трудом представляю как я существовал, не зная тебя? Ах, Жозефина, если бы у тебя было сердце, разве смогла бы ты не приехать с 29 по 16³⁹? Разве послушалась бы ты советов коварных друзей, которые вероятно хотели чтобы ты оставалась вдали от меня? Я подозреваю всех. Я зол на всех кто тебя окружает. Я считал что ты должна была выехать 5 и 15 уже быть в Милане...

Все мои мысли сосредоточены в твоём алькове, в твоей постели, в твоём сердце...

Я прикроено знаю что никогда не смогу сам дать тебе любовника... Вырвать ему сердце и увидеть его для меня будут одно и то же. И потом, если бы я посмел поднять руку на твою священную для меня личность... Нет я никогда не осмелюсь на это, я уйду из жизни, в которой меня предаст все то, что я считал самым добродетельным.

Тысячу раз целую твои глаза, твои губы, твой язык и твою п...

Ты помнишь ли о том сне, когда я съмал твои туфли, твои наряды и забрал тебя в сердце мое? Почему же природа сделала это так? Много дел...»

Эти странные письма вовсе не производили на Жозефину того действия, на которое рассчитывал Бонапарт. Арно, находившийся на улице Шантрэн в тот день, когда Мюрат доставил молодой женщине одно из таких писем, оставил нам вот такое свидетельство:

«Она показала мне это письмо, равно как все письма, которые Бонапарт прислал ей со времени своего отъезда и которые свидетельствовали о самой глубокой страсти. Жозефину забавляло это чувство, в котором явно чувствовалась и ревность. Я до сих пор слышу, как она читает отрывок, в котором, забыв вроде бы о явно угнетавшем его беспокойстве, муж ее писал: “Ну, если это окажется правдой, опасайся кинжала Отелло!”, и слышу, как она, улыбаясь, произносит со своим неповторимым креольским акцентом: “Он такой смешной, этот Бонапарт!” Любовь, которую она внушала этому столь необыкновенному человеку, трогала ее очень мало; она гордилась тем, что он любил ее почти столь же сильно, как славу! Она радовалась этой его славе, растущей день ото дня, но ей хотелось купаться в этой славе в Париже, в море аплодисментов, которыми приветствовали ее при каждой новости из Итальянской армии.

Она была очень огорчена, когда поняла, что все-таки придется покинуть Париж...»⁴⁰

Тогда она поставила одно условие: она потребовала, чтобы с ней в Италию отправился и ее любовник Ипполит Шарль. Карно, начинавший уже опасаться за состояние духа генерала Бонапарта, вынужден был согласиться с этим ее условием...

Жозефина пробыла в Париже еще две недели. Балы, ужины, несколько легкомысленные приемы, на которые ее без конца приглашали, настолько захватили Жозефину, что каждое утро она со смехом говорила своим друзьям:

– Решительно, мы выезжаем не ранее чем завтра.

Следует сказать, что жизнь Парижа 1796 года представляла собой постоянный праздник, на котором было дозволено совершать самые экстравагантные поступки.

«Щеголи» и «невероятные» одевались как шуты, разгуливали в смешных рединготах, носили прически «собачьи уши» и появлялись на улице всегда с толстыми сучковатыми палками.

И в то время как мужчины затягивались в галстуки, доходившие до самого рта, и воротнички, мешавшие повернуть голову, женщины, как бы для того, чтобы поддержать равновесие, носили удивительно легкие платья. Послушаем Роже де Парна:

«Потеряв всякий стыд, желая любым путем обратить на себя внимание, они появлялись на людях почти голыми, без нижних рубашек и юбок, в небольших корсетах, иногда в панталонах телесного цвета, а поверх всего этого – греческая туника из прекрасного прозрачного муслина, который помимо того, что они умышленно выставляли на всеобщее обозрение, вовсе не скрывал ни рук, ни ног, ни груди. Руки и лодыжки их украшали многочисленные браслеты, изготовленные по классическим античным образцам. Вместо туфель они носили сандалии. А поскольку ступни таким образом оставались открытыми, на каждом пальце ноги красовалось по перстню с драгоценными камнями или с бриллиантами»⁴¹.

Жозефина, как и госпожа Тальен, носила эти прелестные одеяния, при этом особое удовольствие доставляли ей прогулки по бульварам с Ипполитом Шарлем, когда она выставляла на всеобщее обозрение ноги, оголенные до половины бедра.

А по вечерам, по-прежнему в сопровождении этого симпатичного идиота, выразившегося исключительно с помощью каламбуров, она отправлялась на балы.

Балы в период Директории были явлением довольно любопытным. Чаще всего женщины являлись на них с открытой грудью, и эта экстравагантность в одежде полностью соответствовала экстравагантности поведения. Очевидец этого не без иронии отмечает:

«Кто бы мог поверить, наблюдая эти балы, в то, что война вплотную приблизилась к нашим границам, что боевые действия велись на берегах Рейна, Самбра, Меза, за горами и на всех морях? Что объединившаяся Европа угрожала Франции, Республике, Конституции, Парижу, балам и самим их участникам?..»

На этих балах иногда появлялась какая-нибудь «чаровница» в экстравагантном одеянии. Послушаем же еще Роже де Парна:

«Что это за шум? Кто эта женщина, которой все рукоплещут? Давайте-ка подойдем поближе и посмотрим. Вокруг нее собралась большая толпа. Она голая? Вполне возможно... Подойдем еще ближе: это заслуживает отдельного описания. Я вижу, что она одета в легкие короткие панталоны, напоминающие знаменитые кожаные штанишки-кюлоты мессира графа д'Артуа, которого четверо лакеев поднимали для того, чтобы опустить в эти одеяния и не допустить образования ни малейшей складки, и которого, после того как проходил в этой одежде весь день, надо было таким же образом из нее извлекать, для чего требовалось прилагать усилия еще большие. Так вот, говорю я вам, эти женские панталоны, хотя они и из шелка, намного плотнее облегают тело и украшены чем-то вроде браслетов; блузка так искусно и умело скроена, что под художественно раскрашенной кисеей видно, как вздымаются **сосуды материнства**. Светлая льняная рубашка дает всем возможность полюбоваться икрами и бедрами, на которых надеты золотые обручи, усыпанные бриллиантами. Ее окружает группа молодых людей, выражающих ей свое восхищение, но молодая гордячка делает вид, что ничего не слышит. Еще одна смелость "чаровницы": ей осталось пренебречь столь малым, что у меня возникают сомнения относительно того, послужит ли истинному целомудрию удаление этой прозрачной вуали. Панталоны телесного цвета так плотно прилегают к телу, что это лишь подчеркивает прекрасные формы и самые сокровенные прелести и возбуждает воображение».

Наряженные в такие, прямо скажем, условные одеяния, дамы во время танцев прижимались к своим кавалерам всем телом и терлись о них до тех пор, пока какая-нибудь добрая душа не задувала канделябры...

И тогда «чаровницы» и «щеголи» ложились на пол и, забыв на некоторое время очарование ригодона⁴², познавали радость наслаждения, исполняя самый древний танец в мире...

Вполне естественно, что Жозефина предпочитала эту «сладкую» жизнь суровой походной жизни, уготованной ей Наполеоном. В середине июня она все еще продолжала находиться в Париже. Тогда Бонапарт, не в силах более сдерживать «охваченные пламенем чувства»⁴³, объявил всем, что намеревается бросить Итальянскую армию и отправиться в Париж.

Весть об этом повергла военного министра Карно в неопишумый ужас. Он бросился к Баррасу и попросил его убедить Жозефину в необходимости срочного отъезда в Италию.

Член Директории отправился на улицу Шантрен и застал свою бывшую любовницу в постели с Ипполитом Шарлем.

– Директория только что приняла решение о выдаче вам паспортов для выезда в Италию, – сказал он. – Вы выезжаете завтра.

Жозефина зарыдала:

– Вы ведь знаете Бонапарта. Он начнет задавать мне тысячи вопросов о причинах задержки моего приезда. Его гнев будет ужасен... Особенно когда он обнаружит, что я вовсе не беременна, как сообщила ему... Что я ему скажу на это? Вы должны дать мне какую-нибудь бумагу, подтверждающую то, что я не могла покинуть Париж и что в этом мне препятствовали вы...

Баррас согласился, и вечером того же дня Жозефина получила с посыльным этот необычный сертификат, который должен был рассеять подозрения Бонапарта.

«Директория, возражавшая против отъезда гражданки Бонапарт из опасения, что то внимание и те заботы, которые будет оказывать ей ее муж, отвлекут его от дел, к которым призывают его слава и спасение Отчизны, решила, что указанная гражданка уедет к Вам только после того, как Вы возьмете Милан. Поскольку город сей Вы взяли, у нас больше нет никаких возражений против ее отъезда. Мы надеемся, что мирта, которой она украшает свою голову, не сможет превзойти лавры, которые Победа уже возложила на Вашу голову».

Имея на руках такую официальную бумагу, Жозефина могла без опасений встретиться с тем, кого эмигранты уже начали называть «генерал Корнапарт»⁴⁴.

26 июня, отужинав с Баррасом в Люксембургском дворце, Жозефина села в карету и отправилась к мужу со слезами на глазах, «как если бы отправлялась на казнь».

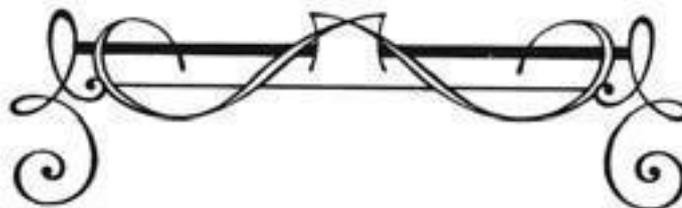
Кроме нее в карете находились Жозеф Бонапарт, Жюно, красивая горничная Жозефины Луиза Компуэн и, разумеется, Ипполит Шарль...

С самой первой ночи эта поездка превратилась для Жозефины и ее любовника в свадебное путешествие. Нисколько не стесняясь присутствия брата Наполеона, они на каждом привале устремлялись в отведенную для них комнату и там с безумной страстью предавались удовольствию с помощью тех средств, которые дала им природа. В это же самое время Жюно не терял времени даром с Луизой Компуэн...

А тем временем в Милане Бонапарт с успехом отбивал яростные атаки прекрасных итальянок, так желавших соблазнить героя.

Из-за любви к Жозефине, которая, как он полагал, хранила ему верность, он отверг притязания знаменитой певицы Грассины, которая хотела подарить ему, по выражению Салицети, свое «контр-до»⁴⁵.

Но по ночам ему приходилось принимать холодные ванны...

Глава 4

Бонапарт хочет расстрелять любовника Жозефины

Есть выстрелы в сердце, которые проходят мимо...
Народная мудрость

Вечером 9 июля перед ступенями дворца Сербеллони в Милане остановились три победившие от пыли кареты.

Десятитысячная толпа, собравшаяся перед громадным зданием президента Цизальпинской республики для того, чтобы увидеть жену генерала Бонапарта, испустила такой громкий вопль, что, по выражению некоего автора мемуаров, обладавшего богатой фантазией, «затряслись мраморные плиты»...

Позеленев от страха и забившись в угол кареты, Жозефина судорожно вцепилась в руку Ипполита Шарля:

– Что им от меня нужно? – прошептала она.

Жюно посмотрел на нее с некоторым удивлением:

– Народ приветствует вас, мадам!

Эта простая фраза должна была бы дать креолке понять, что за истекшие три месяца в жизни ее произошли необычайные перемены. Став в марте женой маленького генерала, казалось бы, без большого будущего, она в начале июля была уже равна королеве... Будучи человеком ограниченным, Жозефина, привыкшая к постоянным пошлым комплиментам и немедленному исполнению всех своих желаний, нашла приятным то, что ее встречали с таким восторгом и почетом, но выводов из этого никаких сделать не смогла.

Улыбнувшись Ипполиту Шарлю, который, ничуть не смутясь, принял часть этих приветствий на свой счет и даже начал отвечать толпе взмахами руки, она сказала:

– Они очень милы!..

К карете подскочил один из гвардейцев. Он распахнул дверцу и помог Жозефине выйти из кареты. Она стала стараться вести себя как можно более величественно.

Раздался сигнал трубы, и все гвардейцы, «отдавая почести любви их генерала», выхватили из ножен свои клинки.

Слегка напуганный этим шумом и блеском, из кареты вылез Ипполит Шарль.

Недолго думая и нисколько не смущаясь, он двинулся следом за будущей императрицей, и та таким образом торжественно вступила во дворец Сербеллони в сопровождении своего любовника.

Бонапарт, которого боевые действия вынудили задержаться в Вероне, смог освободиться только через четыре дня. Отдав необходимые распоряжения об организации грандиозного праздника по случаю официального прибытия в Милан своей супруги, он галопом помчался в город. Соскочив с коня, он бросился обнимать Жозефину с такой страстью, что приятно удивил всех присутствовавших при этой их встрече.

После чего он проводил ее во дворец, где был организован шикарный прием.

Когда они шли великолепными галереями с колоннами, украшенными произведениями скульпторов, картинами, золотой инкрустацией, экзотическими цветами, книгами в богатых переплетах с драгоценными камнями, молодой генерал шепнул жене:

– Все это было доставлено сюда по моему приказу для тебя, Жозефина...

Креолка улыбнулась, подумав, что этот маленький Бонапарт был очень любезен и что она сможет жить здесь с Ипполитом в очень роскошной обстановке...

В самой большой галерее находилось около ста человек: офицеры, дипломаты, известные артисты, женщины в богатых нарядах. Увидев Жозефину, все поклонились.

– Вот твой двор! – сказал Бонапарт вполголоса.

И снова молодая женщина должна была почувствовать, что здесь к ней относились вовсе не так, как к жене обыкновенного генерала, и что эти люди соблюдают по отношению к ней правила придворного этикета, скорее достойные королевы, что все это – свидетельство необычайно высокого положения ее мужа...

Но опять Жозефина ничего не поняла. Все эти важные особы собрались здесь ради нее? Тем лучше, будет с кем поболтать. Она любезно улыбнулась посланнику короля Сардинии, папскому легату, представителям венецианского дожа, великому герцогу Тосканскому, герцогу Пармскому, герцогу Моденскому, физику Вольта...

И пока каждый из гостей почтительно склонялся перед ней, неисправимая Жозефина думала, что кое-кто из этих господ был довольно симпатичен и что кое-кем из них она охотнополнила бы список своих любовников...

По окончании приема Бонапарт, «не способный себя более сдерживать», взяв жену за руку, увлек ее в комнату, которую собственноручно украсил для того, чтобы отпраздновать встречу.

Раздевшись с быстротой человека, желающего прийти на помощь утопающему, он стал срывать одежду с Жозефины: полетели в сторону юбки, захрустели косточки корсета, лопнули шнурки, затрещали кружева... Он остановился на мгновение лишь для того, чтобы поцеловать эту «маленькую белую упругую грудь», о которой мечтал так много недель...

Когда молодая женщина была полностью раздета, он отнес ее на кровать и доказал ей, что артиллерист, ставший главнокомандующим, вовсе не утратил в интимной жизни легендарные качества своего оружия...

Воздержание, на которое он был обречен с марта месяца, привело его в такое состояние, что он проявлял себя галантным мужчиной на протяжении всего следующего дня.

Лишь на третий день, когда Бонапарт наконец успокоился, он надел свой мундир и спустился к обеду. Жозефина только и ждала этого момента. Еще запыхавшаяся – но вошедшая во вкус – от семейных любовных игр, она призвала к себе Ипполита, который без колебаний воспользовался благоприятной обстановкой.

Спустя несколько часов Бонапарту пришлось покинуть Милан и отправиться на осаду Мантуи.

Вечером того же дня и Ипполит Шарль уехал в армию Леклерка. Оставшись одна, будущая императрица занялась организацией праздников, одновременно принимая ухаживания красивых итальянцев, которых успела заметить. Большинству из них не составило никакого труда взять у Бонапарта сладостный реванш в ее постели.

А Наполеон тем временем продолжал с завидной легкостью громить австрийские войска. Все шло так, как он этого хотел, и он был счастлив. Однако же в Мармироло произошел один случай, несколько омрачивший его торжество. Вот какое письмо в тот день он немедленно отослал с гонцом, которому пришлось скакать под картечью:

«Я потерял мою табакерку. Прошу тебя подобрать для меня такую же, но постарайся, чтобы она была более плоской. И напиши на ней что-нибудь милое твоими волосами.

Шлю тебе тысячу поцелуев настолько же горячих, насколько ты холодна. Безграничную любовь и непоколебимую верность»⁴⁶.

Неизвестно, украсила ли Жозефина новую табакерку своими волосами, но можно с уверенностью сказать, что это достойное школяра желание главнокомандующего Итальянской армией ее позабавило. Привыкшей к цинизму прекрасных итальянцев, которые овладевали ею на софе, на ковре или на краешке стола, как ей было не посмеяться над такой «чистой любовью»?..

Как-то вечером один из любовников Жозефины обмолвился, что штаб армии по уши погряз в спекуляции. Она тут же поняла, что здесь предоставляется возможность пожить, и решила добиться для Ипполита должности в «службе снабжения армии». Написав об этом Бонапарту, она получила в ответ 21 июля из Кастильоне встревожившее ее письмо (стиль и орфография сохранены):

«Ты должна была к этому времени хорошо познакомиться с Миланом. Может быть ты нашла того любовника, которого приехала там искать. Однако ты смогла найти его без того, что я тебе подарил его. Эта мысль не оставляет меня... Но нет, будем лжиго (лучшего) мнения о нашей чести. Кстати, миня уверяет что ты давно и ХОРОШО (слово подчеркнуто тремя жирными линиями) господина, которого мне рекомендуешь на эту должность, если это так, то ты просто чудовище...»

Жозефина настаивать не посмела и больше о господине Шарле разговоров не заводила... Для того чтобы окончательно усыпить подозрения мужа, она решилась даже поехать к нему в войска, поскольку получила от него следующую записку:

«Прошу тебя приехать 7 в Брешиа, где тебя ожидает самый нежный из любовников...»

«Бонапарт совершенно не подозревал, что говорил правду, – отвечает господин Луи Астье, – поскольку любовником, с которым встретила в тот день Жозефина, был не кто иной, как Шарль»⁴⁷.

Послушаем Аделена:

«Мы приехали в Брешиа⁴⁸. Генерала там мы не нашли, но зато там нас ждало письмо, где говорилось, что он ожидает нас в Кремоне. Время было уже позднее, и, несмотря на мою настойчивость, госпожа Бонапарт упрямо пожелала заночевать в Брешиа, утверждая, что слишком устала, чтобы ехать еще куда-то. Она разместила в апартаментах мужа, а я занял комнату его адъютанта.

– Пойдите к себе, – сказала она мне. – Я сейчас лягу; стол поставят возле моей кровати, и мы поужинаем вместе.

Когда я спустился вниз, то увидел, что на столе стояло три прибора; я спросил у нее, кто же третий участник ужина.

– Это бедный Шарль, – ответила мне она. – Он сегодня вернулся с задания, остановился на ночлег в Брешиа и узнал, что я тоже в этом городе.

Он появился в тот же самый момент, и мы приступили к ужину. Я многое знал и многое видел, и поэтому находился в довольно забавном положении. Ужин закончился быстро, и мы собрались уже было уходить. Но когда мы подошли к двери комнаты, раздался ее ленивый голос, просивший Шарля задержаться. Я вышел из спальни один.

Уже собираясь лечь спать, я вспомнил, что оставил шляпу и оружие мое в салоне, смежном с ее спальней. Я спустился за ними вниз. Но стоявший у дверей гренадер сказал мне, что впускать никого не велено.

– Кто же это отдал вам такой приказ?

– Горничная.

Я понял, что героиня Пескьера (где при переезде реки карету Жозефины обстреляла речная канонерка австрийцев) вновь стала галантной парижской дамой»⁴⁹.

Но на самом-то деле она и не переставала быть ею...

На следующий день Жозефина отправилась в Кремону, где Бонапарт ждал ее, нервно выдирая листы из толстой книги песнопений, подаренной ему неким прелатом...

Два дня они не вылезали из постели, и Брателеми сообщает нам, что «корсиканец проявил себя столь же яростным, как под Лоди», где Наполеон разбил австрийцев 10 мая 1796 г.

Но утром 11 августа австрийские полки двинулись в наступление на Кремону, Бонапарту тут же сообщили об этом.

– Вставай и возвращайся в Милан, – сказал он Жозефине. – С моей стороны было безумием приглашать тебя сюда... Прости меня.

Креолка быстро оделась и со слезами на глазах села в карету.

– Мне страшно! – всхлипывала она.

– И успокойся, – ответил ей Бонапарт. – Клянусь, Вюрмсер дорого заплатит за пролитые тобой слезы...

Обратный путь в Милан был полон опасностей. Неподалеку от Кремоны, в лесу, карета Жозефины была обстреляна отрядом австрийских улан, и две лошади были убиты. Перепуганная Жозефина бросила карету и пересела в крестьянскую телегу.

На следующий день, когда она была в полной уверенности в том, что была в безопасности, Жозефина очутилась всего в двухстах метрах от поля боя. Рикошетирующие от земли ядра доскакивали почти до ее кареты.

Прибыв в Милан, она увидела, что город пышно разукрашен в ознаменование победы у Кастильоне, одержанной Бонапартом, как и было обещано, «для того, чтобы отомстить за нее Вюрмсеру»...

Но это оставило ее равнодушной, поскольку она не могла прийти в себя после стольких переживаний, выпавших на ее долю. И она не нашла ничего лучшего, как запереться в своей спальне с Ипполитом...

Начиная со следующего дня она вновь стала принимать самое активное участие в праздниках вместе с «чаровницами», составившими ее свиту. Каждый вечер, в легких одеяниях, она отправлялась танцевать и «вкушать все удовольствия». Нередко случалось, что в разгар бала она покидала своих подружек и увлекала Ипполита Шарля в сад. И там, спрятавшись за кустом, за мраморной статуей или вазой, а то и просто прижавшись спиной к стволу дерева, она наслаждалась «ласками трюфвого короля», как тогда было принято выражаться в приличном обществе.

Однажды вечером любовников застала гроза, когда они, лежа в кустах, «отвечали зову естества»... Первый раскат грома был таким мощным, что Жозефина от испуга впала в полубморочное состояние. Тогда Ипполит взял ее на руки и отнес в салон, и все гости с любопытством взирали на генеральшу, «юбки которой были в беспорядке», и «плохо застегнутого» капитана...

Целых три месяца Бонапарт жил предвкушением того момента, когда он сможет обнять свою Жозефину. Для того чтобы приблизить к себе это столь желанное тело, он одержал победы, повергшие в изумление всю Европу...

В редкие минуты отдыха он писал жене полные страсти письма. Одно из этих писем приводим ниже. Читатель может лично убедиться, какие важные послания доставляли в Милан гонцы, рисковавшие своей жизнью:

«Я ложусь спать, моя маленькая Жозефина, с сердцем, наполненным твоим обожаемым обликом и огорченный тем, что так долго нахожусь вдали от тебя.

Бог мой, как я был бы счастлив, если бы мог присутствовать при твоём туалете, видеть маленькое плечико, маленькую белую упругую и очень тугую грудь. А в довершение всего креольское личико с приложенным к нему носовым платком, ну до чего же хорошенькое.

Ты прекрасно знаешь, что я не могу забыть эти короткие посещения. Ты знаешь, маленький чёрный лес... Я покрываю его тысячами поцелуев и с нетерпением жду того момента, когда смогу туда попасть... Полностью твой.

Жизнь, счастье, удовольствие доставляешь только ты.

Жить в Жозефине это – жить в Раю.

Целую твои губы, твои глаза, твое плечо, твою грудь, все, все».

24 ноября, после блестящего подвига на Аркольском мосту, он объявил о своём приезде в Милан.

«Твоему мужу для счастья остается, – писал он, – лишь любовь Жозефины...»

Получив это письмо, Жозефина пожалала плечами. Она уже собиралась ехать в Геную, где Сенат организовывал праздник во Дворце дождей, и поэтому приезд мужа не казался ей достаточным основанием для того, чтобы оставаться в Милане. И она уехала в сопровождении Ипполита...

26 ноября Бонапарт вышел из кареты, остановившейся перед дворцом Сербеллони. Движимый желанием, от которого каждую ночь он видел сладострастные сны, он бросился в покои жены. Но они были пусты.

– Где она? – спросил он появившуюся горничную. Та, потупившись, пробормотала:

– Мадам находится в Генуе!

Он внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Увидев офицеров, гвардейцев, дворцовую челядь, собравшихся для того, чтобы увидеть семейные огорчения самого знаменитого в Европе генерала, он крикнул:

– Оставьте меня, я устал!

Затем велел горничной позвать к нему Готье. Камердинер тут же примчался к нему, и Бонапарт спросил:

– Получили ли вы мое письмо?

– Да, мой генерал, мадам объявила нам о вашем прибытии.

– И все-таки она уехала...

– Да... в карете для путешествий...

– С кем?

– С Луизой Компуэн, ее компаньонкой...

– И больше ни с кем?

– Нет, с ней поехал и капитан Шарль...

Оставшись один, он написал Жозефине такое горькое письмо:

«Я приезжаю в Милан; я бегу в твои покои; я все бросаю для того, чтобы увидеть тебя; сжать тебя в моих объятиях... тебя там не было; ты едешь по городам в погоне за праздниками; ты удаляешься от меня, когда я приезжаю к тебе; ты больше не думаешь о твоём Наполеоне... Несчастье, которое я испытываю, беспредельно; я имел право не рассчитывать на него. Я пробуду здесь до 9-го числа. Не переживай; получай удовольствия; счастье существует только для тебя. Весь мир слишком счастлив, если он может тебе понравиться, а твой муж очень, очень несчастен...»

О Шарле он не обмолвился ни словом. Однако этот «маленький шут» все больше и больше начинал раздражать его. Решив отделаться от него, Бонапарт назначил его сопровождать Мармона в Рим.

Жозефина узнала об этом по возвращении из Генуи. Она бросилась в объятия Ипполита.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал!..

– Это приказ. Я – офицер и должен его выполнять...

Потерянная, полная отчаяния, она залила слезами лицо капитана, который с тоской позволял ей себя целовать.

Наконец, Шарль распрощался с ней и, тайком вытерев щеки, отправился в Вечный город.

Впервые в жизни Жозефина сохранила верность любовнику. В 1797 году она даже добилась от Наполеона, чтобы тот назначил его «первым капитаном 1-го гусарского полка».

Довольная этим Жозефина терпеливо стала ждать лучших дней и несколько месяцев вела примерный образ жизни. Именно тогда она приняла любопытным образом участие в написании знаменитой картины. Находившийся в Милане художник Гро выразил желание написать портрет генерала, о котором говорила вся Франция.

– У меня нет времени позировать, – сказал Бонапарт. – Да и потом я не смогу позировать, поскольку не в состоянии долго оставаться неподвижным...

Гро обратился к Жозефине, которой пришла в голову интересная идея.

– Приходите завтра после обеда, – сказала она. – Я смогу заставить его сидеть спокойно...

На следующий день художник появился с этюдником в столовой в тот момент, когда генерал пил кофе.

– Кто вам позволил сюда войти?..

– Я, – вмешалась Жозефина. – Я пообещала господину Гро, что ты будешь спокойно позировать ему. Ну-ка, иди сюда...

И, для того чтобы не дать Бонапарту двигаться во время сеанса, она усадила его к себе на колени.

Это повторялось несколько дней подряд, и таким образом Гро смог написать первый портрет победителя при Лоди⁵⁰.

Интерес, который Жозефина продолжала проявлять к Ипполиту Шарлю, вызвал новый приступ ревности Бонапарта. Он распорядился начать расследование, в результате которого выяснилось, что этот гусар служил посредником между «заворовавшимися» комиссарами Директории и поставщиками для армии. Кроме того, ему доложили о том, что с помощью Жозефины и при ее непосредственном участии этот ловкий капитан наживался на поставках продовольствия и посылал своей любовнице сокровища, захваченные во взятых Наполеоном городах... Коробки с медалями, жемчужные браслеты, бриллиантовые кольца, картины, ювелирные изделия – у Жозефины таким образом накопилась целая гора этих богатств.

Не в силах поверить в такую подлость, Бонапарт спросил, где же его жена могла прятать все эти богатства. Тогда ему показали на две маленькие комнатки, расположенные под самой крышей...

Сраженный неоспоримыми доказательствами, он приказал хранить это дело в строжайшей тайне и велел пригласить Жозефину в свой кабинет. Она вошла к нему с кокетливой улыбкой на губах. Жесткий взгляд Бонапарта настрожил ее.

– Что случилось, друг мой?

Он посмотрел ей в глаза:

– Только что арестован капитан Шарль...

Испуг, который отразился на лице жены, причинил ему ужасные страдания. В этот момент он даже захотел обнять ее и утешить. Но продолжил:

– Я узнал, что он занимался грабежами; благодаря ему Гло, Оже, Увар провернули колоссальные сделки... Благодаря ему и благодаря тебе... И все потому, что ты, моя жена, стала сообщницей бесчестного офицера...

Жозефина зарыдала. Он отвернулся.

– Завтра утром Шарль предстанет перед военным советом, а в полдень его расстреляют!..

Креолка громко вскрикнула и упала в обморок. На этот раз от гнева Бонапарта не осталось и следа. Он подскочил к Жозефине, перенес ее на канапе, начал приводить ее в чувство, ругая себя за бессердечность, бормоча извинения...

– Я прощаю тебя, – сказала она. – Но при одном условии: больше у нас об этом разговора не будет... Сделай милость...

– Однако, – сказал Бонапарт, – когда офицер обнаружил злоупотребление...

– Шарль? Но ведь это – шут!.. Он был игрушкой в чужих руках. Уж если ты хочешь его наказать, выгони его из армии, отправь его в Париж.

Бонапарт, послушное дитя, согласился. На другой день Ипполит Шарль уезжал из Милана. Спустя восемь дней Жозефина решила вернуться во Францию...

В декабре 1797 года Жозефина, оставив Бонапарта в Италии, села в свою карету и укатила в Париж. Путешествие ее было настоящим триумфом. В каждом городе по пути ее следования толпа, стремившаяся с радостью «лицезреть ту, которую небо удостоило чести делить ложе с человеком, равным героям древности», восторженно приветствовала ее. Салютовали пушки, звучали трубы, детишки бросали цветы, а поэты читали ей отрывки из поэм, чей напыщенный стиль был оправдан искренним волнением.

Креолка принимала эти почести с любезностью, в которой было, однако, заметно некоторое нетерпение. Чувствовалось, что все время она торопится поскорее уехать, и людям добрым оставалось только качать головой и строить догадки:

– Нет сомнения в том, что генерал дал ей какое-то задание, – говорили одни.

А другие с горящими глазами шептали, что «мощная поясница Бонапарта, возможно, принесла Жозефине плод»...

И, как всегда, они ошибались, поскольку истина заключалась совсем в другом.

Уезжая в самый разгар праздников, загоня лошадей, сокращая время на сон, госпожа Бонапарт была движима одной лишь мыслью: поскорее встретиться с милым ее сердцу Ипполитом.

Они встретились близ Невера, и первая их ночь прошла необычайно бурно. После пятнадцатидневной разлуки любовники, позабыв обо всем на свете, с такой страстью предались наслаждениям, проявили такой любовный пыл, что их любовные забавы несколько раз прерывались самым комическим образом...

Послушаем же Пьера Аделена:

«Едва Жозефина вышла из кареты, как господин Шарль увлек ее в комнату, где для удобства любовных занятий кровати были придвинуты одна к другой. Разбросав по полу свои одежды, они рванулись к кроватям так резко, что коврик, лежавший перед кроватью, скользнул по паркету и они с громким шумом упали. Встревоженная горничная прибежала узнать, что случилось, и увидела совершенно голых Жозефину и Шарля, лежавших навзничь на полу с запутавшимися в коврике ногами и дико хохотавших. Мгновение спустя они поднялись и проявили по отношению друг к другу такое расположение, что служанка посчитала лучшим вернуться в комнату для прислуги.

Оставшись вдвоем, любовники возлегли на спаренные кровати, где начали выделять такие кульбиты, которые могут делать только щенки, перекатываясь туда-сюда в порыве безумной страсти и удовольствия.

Жозефина, бравшая уроки любовных игр у госпожи Тальен, подсказывала любовнику сложные позиции, которые, однако, были весьма развлекательными и позволяли не ограничивать ее одержимость»⁵¹.

Их пыл вскоре стал несколько чрезмерным, что кровати, сотрясаемые их страстными движениями, разъехались на хорошо навощенном паркете и парочка снова упала с сильным шумом.

Маленькая горничная, снова встревоженная шумом, влетела в комнату, помогла любовникам выбраться из этого смешного положения и вернулась к своим делам.

Нисколько не обескураженные этим, Ипполит и Жозефина вновь легли на кровать и возобновили свои сладостные занятия. Увы! Напор капитана привел к новой катастрофе. Когда он стал прилагать силы к тому, чтобы с помощью испытанного способа привести любовницу в состояние блаженства, портьера, укрепленная в изголовье кровати, оторвалась и накрыла любовников, внезапно оказавшихся таким образом в полной темноте.

Примчавшаяся на их крики горничная, не говоря ни слова, освободила их из-под портьера и ушла. Но, поняв, что отныне большая часть ее работы будет состоять в обслуживании генеральши Бонапарт и господина Шарля, «находившихся в расслабленном состоянии», горничная осталась в коридоре, взяв с собой свое рукоделие...»

На следующий день Жозефина и Ипполит потихоньку тронулись в путь, полные решимости останавливаться во всех мало-мальски комфортабельных гостиницах...

А пока они таким образом забавлялись, Бонапарт, сделав крюк в Рейхштадт, приехал в Париж. Даже не явившись поприветствовать членов Директории, он отправился на улицу Шантрэн (которая накануне в его честь была переименована и носила название улицы Победы), чтобы поскорее обнять жену.

Но, как и в Милане, он напрасно звал, распахивал двери, проходил по пустым комнатам. Наконец, ему попала служанка.

– А где моя жена? – спросил он. Рассказывают, что глаза его пожелтели, когда он узнал, что Жозефина в Париж еще не приехала. Не успел он снять шляпу, как к нему подошел дворецкий и, поклонившись, сказал:

– Я должен вручить вам это, мой генерал!

Это была пачка счетов. Воспользовавшись своим пребыванием в Италии, Жозефина велела переоборудовать дом и заменить в нем всю мебель. Все это стоило более тридцати миллионов старых французских франков... Окончательно убитый Бонапарт закрылся в своей комнате...

Спустя три дня он, грустный, отправился в Люксембургский дворец, где Директория организовала в его честь помпезный прием. Когда он там появился в сопровождении Талейрана, бывшего в то время министром внешних сношений, все присутствовавшие встали и закричали:

– Да здравствует Республика! Да здравствует Бонапарт!

Но что ему было до того, что там присутствовали министры, послы, члены Совета старейшин и Совета пятисот, высшие судейские чины, высокопоставленные государственные служащие, представители армии и всего Парижа тех времен, когда там не было Жозефины!

С того момента праздник потерял для него всякий интерес. Он вручил Директории договор, подписанный в Кампо Формио, выслушал речи, похвалы, поэмы, гимны, кантаты и с рассеянным видом принимал дружеские похлопывания по плечу. Не слыша оваций, он думал только о своей жене. Раз ее не было на празднике, значит, она изменяла ему. А если изменяла, он вынужден будет с нею развестись...

После официальной церемонии он вернулся домой и заперся для того, чтобы обдумать условия развода, который представлялся ему неизбежным.

Но когда 2 января 1798 года волнующая и кокетливая Жозефина появилась в Париже и привела тысячу причин, объясняющих ее задержку, он упал перед ней на колени...

Спустя несколько дней в Париж приехал и Ипполит Шарль. Он немедленно направил в Военное министерство прошение об отставке для того, чтобы иметь возможность в полной безопасности проворачивать делишки с поставками для армии. Вскоре, по рекомендации Жозефины, он поступил на службу в компанию Бодена. Эта компания наживала огромные барыши, поставляя солдатам Директории слишком узкие гетры, слишком короткие рубахи, башмаки из картона, камыш вместо фуража и отбракованных лошадей. Эти досадные мелочи не помешали креолке, не испытывая при этом угрызений совести, получать «комиссионные» от господина Бодена⁵².

Но, как известно, шила в мешке не утаишь, и 17 марта Бонапарт узнал от своего брата Жозефа о том, что Жозефина была связана с этим торговцем и что она ежедневно встречается с Ипполитом в небольшом доме в предместье Сент-Оноре. Взбешенный Бонапарт тут же отправился к жене и в очень резких выражениях высказал все, что он о ней думает. Разбив фарфоровую китайскую вазочку, он ушел, громко хлопнув дверью.

Жозефина немедленно предупредила Ипполита, отправив ему письмо. Оно до нас дошло. В нем не только доказательства ее сообщничества, но и явная ненависть, которую она питала к семейству Бонапартов. Вот это письмо со всеми орфографическими и стилистическими особенностями:

«У Жозефа вчера состоялся крупный разговор со своим братом; в результате этого у меня спросили знакома ли я с гражданином Боденом, не я ли выхлопотала для него снабжение Итальянской армии, что ему только что сказали, что Шарль проживал у гражданина Бодена в доме № 100 в предместье Сент-Оноре и что я ездила туда каждый вечер? Я ответила что не имею понятия о чем он говорил; что если он хочет развода, пусть прямо мне об этом скажет; что ему не надо было прибегать к этим методам; что я самая невезучая и несчастная женщина.

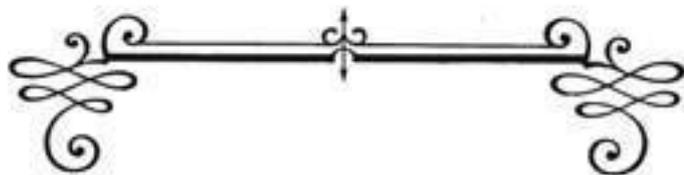
Да, мой Иполит, я их так ненавижу; тебе одному принадлежит моя нежность, моя любовь; они должны понимать насколько они мне противны за то ужасное положение, в котором я нахожусь уже несколько дней, они видят сожаление, отчаяние, которое я чувствую из-за того, что лишена возможности видеться с тобой так часто как мне этого хочется. Иполит; я хочу умереть; да, я хочу покончить [с жизнью] которая отныне будет мне обузой если не будет посвящена тебе. Увы! Что же я такого сделала этим чудовищам, но они зря так поступают, я никогда не стану жертвой их жестокости.

Скажи, прошу тебя, Бодену, чтобы он сказал, что не знаком со мной; что поставки для Итальянской армии получил не через меня; пусть скажет портье дома номер 100, что когда его будут спрашивать живет ли здесь Боден, он ответит, что не знает такого; чтобы он воспользовался письмами, которые я ему дала для Италии только через несколько часов после приезда в эту страну и только тогда, когда это будет необходимо; узнай, только между нами, не связан ли Жюбье с Жозефом. Ах! напрасно они мучают меня, они не смогут различить меня с моим Иполитом; мой последний вздох будет предназначаться ему.

Я сделаю все для того, чтобы увидеться с тобой днем. Если же не смогу, то вечером приеду к Бодену а завтра утром пришло к тебе Блондена, чтобы указать время, когда мы сможем увидеться в Саду Муссо⁵³.

Прощай, мой Иполит, шлю тебе тысячу горячих, как мое сердце, любовных поцелуев...⁵⁴

Отправив это письмо, достойное неграмотной портнихи, Жозефина отправилась к Бонапарту и излила на него лавину ласки, на которую он смог достойно и с благодарностью ответить...

Глава 5

Англия узнает о семейных неурядицах Бонапарта

Начиная с Каира, Бонапарт перестал мириться с уготованной ему ролью рогоносца.
Максимилиан Вокс

Восторженный прием почти двух тысяч парижан показал Бонапарту, что он необычайно популярен в народе. Однажды вечером, когда он возвращался от Барраса, толпа, предвосхищая события на семь лет вперед, с поразительным предчувствием приветствовала его как истинного монарха.

Домой он вернулся в крайнем волнении.

Сидя перед камином, он размышлял о возможности совершения государственного переворота, которую ему так реально предоставляла судьба.

Директория настолько запятнала себя, что французский народ желал иметь режим личной власти, твердое правление человека, не замешанного ни в каких политических махинациях. И Бонапарт стал всерьез подумывать о том, что небо предназначило именно ему стать таким человеком. Как-то, гуляя в парке замка Монбелло (где он ввел королевский этикет), он решил довериться Миоту, бывшему послу Франции во Флоренции:

– То, что я совершил до сегодняшнего дня, еще очень ничтожно... Вы думаете, что я добился триумфа в Италии для того, чтобы умножить славу адвокатов, засевавших в Директории? Этих Карно и Баррасов? Вы полагаете, что все это для того, чтобы основать Республику? Ерунда! Какая может быть Республика у тридцати миллионов человек?! С нашими нравами и нашими пороками! Это химера, которой сейчас забиты головы французов. Но это у них пройдет, как и все другое. Им нужна слава, удовлетворение тщеславия. Между тем они ничего не смыслят в свободе.

Запершись в кабинете, он раздумывал над тем, стоит ли ему попытаться захватить власть. Казалось, для этого были благоприятные условия: армия обожала его, народ выказывал настоящее преклонение, директора вроде бы были у его ног. Были и друзья, которые могли помочь... Всю ночь он ходил взад-вперед по комнате. Утром, все еще не уверенный в успехе, сознавая, что в случае неудачи потеряет все, он решил, что прежде, чем совершать государственный переворот, ему следовало совершить деяние, которое смогло бы его сделать равным Цезарю или Александру Македонскому...

Договор, подписанный в Кампо Формио и закрепивший поражение Австрии, принес мир Европе. Но оставалась Англия. Для того чтобы заставить ее прекратить боевые действия, Бонапарт решил создать угрозу ее коммуникациям с Индией, завоевав Египет.

Директория, счастливая тем, что наконец-то сможет отделаться от этого неудобного ей генерала, предоставила в его распоряжение золото, солдат, корабли, и 4 мая 1798 года Бонапарт покинул Париж в сопровождении Жозефины, Бурьена, Дюрока и де Лавалетта.

Избранный накануне членом Французского института, он взял с собой в поход целую группу ученых, которые пожелали изучить историю этой столь мало известной страны.

Во время поездки Жозефина, которая начала уже осознавать всю неосторожность своего легкомысленного поведения, а также, возможно, угадывать судьбу, ожидавшую того, кого все звали «генерал Победа», несколько раз просила Бонапарта разрешить ей отправиться с ним в экспедицию, но он отклонил эти просьбы. Для того чтобы как-то смягчить его, она однажды вечером повела себя ревниво, заговорив о чудесных женщинах, которых он повстречает на Востоке, надулась, заплакала. Но он ответил ей, что английский флот представляет для этого

предприятия слишком большую угрозу, «чтобы он мог позволить себе подвергнуть опасности любимую супругу...».

Вечером 8 мая кортеж карет прибыл в Тулон, а на другой день Бонапарт был уже на борту адмиральского корабля «Орион». Жозефина проводила его до каюты и снова попросила взять ее с собой. Ответ был категоричен:

– Я запретил брать в экспедицию женщин. Главкомандующий не должен подавать дурной пример... Отправляйся-ка лучше в Пломбьер. Говорят, тамошние воды очень способствуют стимуляции «ленивого зачатия». Быть может, вернувшись оттуда, ты сможешь родить мне сына. Этим ты доставишь мне самую большую радость!

После долгого поцелуя Жозефина в крайнем огорчении сошла с корабля. Тут же прозвучал пушечный выстрел, фанфары заиграли республиканский гимн, и «Орион» в сопровождении ста двадцати судов вышел из порта. Стоя на причале, креолка долго махала вслед платком... Наполеон в ответ махал ей на прощанье шляпой, даже не подозревая о том, что в трюмах кораблей на завоевание Египта отплывали почти триста женщин, которых их мужья или любовники переодели в мужскую одежду...

Когда последний парус скрылся из виду, Жозефина вернулась в свою комнату, сожалея о том, что обстоятельства не позволили ей отведать прелестей одного из тех красивых моряков, которые глядели на нее с явным намерением взять ее на бордаж...

На следующий день, в то время, когда Жозефина покидала Тулон, направляясь в Пломбьер, Бонапарт занялся организацией жизни на борту «Ориона». Чтобы продолжить свое образование во время путешествия, он каждый день собирал у себя ученых и вел с ними беседы по вопросам религии, истории, другим наукам. Обычно эти беседы велись вечером, после ужина. Степенность этих бесед часто нарушалась грубыми шутками Жюно, который постоянно насмеялся над «академиками». Один пример такой шутки привел нам Арно.

«Отдельные смешные происшествия, – пишет он, – нарушали серьезность этих бесед, которые не всем были по душе, но присутствовать на которых главкомандующий приказал всем генералам. Почти все выходки совершал Жюно, которому генерал многое прощал и который поэтому многое себе позволял.

– Генерал, – сказал он как-то очередному председательствующему на беседе. – Почему Данн (а произносил он это имя особым образом⁵⁵) не член Института? Нельзя ли его избрать туда уже только за одну фамилию?»⁵⁶

После этих «поучительных» бесед Бонапарт отправлялся спать иногда с морской болезнью, а иногда с нежными воспоминаниями о Жозефине...

Отвоевав по пути у рыцарей остров Мальту, Бонапарт 2 июля высадился в Александрии. И сразу же, преодолевая раскаленные пески⁵⁷, двинулся на мамелюков, которые могли перерезать ему дорогу на Каир. Несмотря на страшную жару, вынуждавшую французов передвигаться только по ночам, несмотря на жажду, от которой умирали десятки солдат, он, тем не менее, сумел опрокинуть противника у пирамид и 24 июля торжественно вступил в египетскую столицу.

Поселившись, как султан, в самом красивом дворце города, он первым делом написал Жозефине несколько горьких писем. Новости, полученные им из Франции, действительно были малоутешительными. От брата он узнал, что, направляясь в Пломбьер, его жена встретилась в Лионе с Ипполитом Шарлем и что любовники теперь всю старались, чтобы минеральные источники дали Бонапарту наследника...

Поэтому по два раза в день из Каира в Вогезы уходили полные упреков письма.

А 1 августа Бонапарту сообщили ужасную новость: английская эскадра потопила французский флот перед Абукиром. И в довершение ко всем неприятностям Нельсон⁵⁸ перехватил почту, в которой были свидетельства неудачной семейной жизни покорителя пирамид...

Бонапарт приготовился к самому худшему. И он был прав: спустя месяц английское правительство опубликовало захваченную корреспонденцию и сообщило всему миру о домашних неурядицах Бонапарта⁵⁹. И теперь вся Европа со злорадством читала письмо, которое Наполеон написал своему брату Жозефу (стиль и орфография сохранены):

«Ты прантешь в официальных источниках реляции о сражении за завоевание Египта, о katerом уже достаточно сообщено, чтобы я добавлял еще листок к славе этой армии.

У меня большие семейные неприятности, поскольку вужаль полностью спала. Ты один остался у меня на земле твоя дружба очень дорога мне. Мне ничего больше не остается, чтобы стать мизантропом, как потерять и тебя и получить от тебя прдательство (предательство). Это очень печальное положение: испытывать все чувства одновременно к одному человеку, который занимает все сердце – ты понимаешь меня.

Сделай так, чтобы у миня был когда приеду загородное имение или же недалеко от Парижа или в Бургундии, я хочу провести там зиму и ни с кем не встречаться, я стал (устал) от людей.

Мне нужно одиночество и покой, величие нагоняит на миня скуку, чувства иссохлись, слава увялау я весь счерпан (исчерпан). Мне остается только стать настоящим Эгоистом.

Я рассчитываю оставить дом за собой и никогда его никому не отдам. Мне больше нечем жить. Прощай, мой единственный друг...»

Публикуя эти письма, Англия не только преследовала цель повеселить Европу. Вскоре из Лондона сборник писем был доставлен Нельсону, переправившему его дальше, в Египет, для того, чтобы высмеять командующего французскими войсками, поведав о беспорядке, который творился у него в душе...

Таким образом, супружеская неверность Жозефины грозила привести к деморализации французской армии именно в тот момент, когда французы оказались в Африке, как в западне...

Глава 6

Бонапарт заводит любовницу для того, чтобы поднять свой престиж

Во Франции признак мужского пола представляет собой настоящий жезл командира.

Р.-М. Арно

Новость о катастрофе у Абукира была встречена Баррасом и его окружением с нескрываемым удовлетворением. Уверенные в том, что Бонапарт навеки затерялся в песках, они занимались организацией балов, и будущее представлялось им в розовом цвете. Благодаря Нельсону эти господа могли спокойно продолжать наживаться на бедах народа Франции, не опасаясь государственного переворота со стороны этого ставшего слишком популярным генерала. Некоторые из них, не стесняясь, вслух благодарили Провидение: – Ну наконец-то мы отделались от этого честолюбивого коротышки, – говорили они.

На улице Победы Жозефина тайно разделяла их радость. Когда ей сообщили эту новость, она, словно заправская актриса, бросилась на канапе и громко зарыдала:

– Бедный Бонапарт, как ему будет жарко!

После чего в сопровождении все того же господина Шарля отправилась на очередной праздник...

А через несколько дней поступившая в Париж ложная информация вынудила ее показать свое истинное лицо. Во время одного приема, устроенного в Люксембургском дворце, к Баррасу подошел секретарь и вручил послание. Гости, сразу же догадавшись, что речь идет о новостях из Египта, прекратили танцевать и столпились посреди салона. Директор, дождавшись полной тишины, сказал:

– Друзья мои, я вынужден сообщить вам весьма печальное известие: только что я узнал, что генерал Бонапарт убит в Каире.

«В глазах присутствующих, – пишет Масда, – можно было прочесть глубокую скорбь, а Жозефина, опиравшаяся на руку Ипполита Шарля, упала в кресло, притворившись, что ей стало плохо».

Баррас повернулся в ее сторону:

– О, простите, мадам! – И добавил: – Друзья мои, нас постигло слишком большое несчастье, чтобы мы могли продолжить наш праздник. Давайте разойдемся, а я останусь с доктором Дюфуром, который позаботится о жене генерала Бонапарта...

Когда последний гость покинул дворец, Жозефина с улыбкой поднялась с кресла. Затем расхохоталась и спросила Барраса:

– А точно ли то, что Бонапарт убит?

Директор вежливо успокоил ее:

– Полагаю, да. Человеку, сообщившему мне об этом, нет никакого интереса лгать.

Она захлопала в ладоши:

– Ах, теперь я снова могу дышать спокойно! Друг мой, если это так, я сильно переживать не стану. Этот человек всегда любил лишь самого себя. Это – самый черствый эгоист, самый злобный человек из тех, кто когда-либо появлялся на свете. Его всю жизнь заботили только личные интересы, только собственное честолюбие...

Все еще не веря своему счастью, она переспросила Барраса:

– Так он действительно мертв?

– Полагаю, да.

Она даже подпрыгнула от радости.

– Ах, одним злым человеком меньше! Вы представить себе не можете, что это был за человек. Он думал только о том, чтобы кому-то причинить зло. Постоянно придумывал гадости, которые делал то одним, то другим. Ему надо было досадить всем⁶⁰.

А пока парижане считали, что тело Бонапарта, забальзамированное египтянами, должно занять место в кабинете Музея истории естествознания⁶¹, молодой генерал, догадываясь о реакции Директории, планировал вернуться во Францию через Индию, осуществив мечту Александра Великого...

Уже на следующий день после Абукира он обратился к солдатам с прекрасной речью:

– У нас больше нет флота, и что же с того?! Нам остается или погибнуть здесь, или выйти отсюда, как это делали древние! Это событие вынуждает нас совершить великие деяния, и мы совершим их! От родины нас отделяют моря, но ни одно море не отделяет нас от Азии, а Азия граничит по суше с Европой... Нас много, и людей хватит для того, чтобы пополнить наши ряды; у нас есть оружие и боеприпасы в достаточном количестве, а будет нужно, ученые, которых я привез с собой, изготовят нам еще... Нас ждет славное будущее!..

Эти необычайные слова настолько вдохновили войска, что без колебаний все, от барабанщика до генерала, согласились совершить чудо...

Пока ученые Института Египта проводили замеры сфинкса, раскопки, изучали иероглифы, солдаты занялись грандиозными делами: опресняли воду, строили ветряные мельницы, печи для выпечки хлеба, для варки пива, изготовления водки и т. д.

Бонапарт почти ежедневно отправлялся проверять «стройки», и каждое его появление встречалось с большим воодушевлением. Но как-то раз он заметил в глазах приветствовавших его солдат насмешку. Из этого он заключил, что несколько экземпляров английской книжонки с копиями его писем к Жозефине попали в руки подчиненных и они узнали о его семейных неурядицах.

Очень этим расстроенный, он вернулся во дворец.

Оценив ситуацию, он решил, что лучшее средство для восстановления своего престижа это завести любовницу и сделать так, чтобы все об этом узнали. Он позвал Бертье:

– Соберите самых красивых женщин страны и приведите их ко мне.

Через несколько дней, как пишет Бурьен, некий мамелюк представил Бонапарту «полдюжины азиаток, о грациозности и красоте которых очень много говорили; но их походка и полнота восторга у Бонапарта не вызвали, и он тут же прогнал их с глаз долой»⁶².

Обеспокоенный Бонапарт с тревогой спрашивал себя, осмелится ли он изменить Жозефине и дать таким образом знать своей армии, что перестал быть слепым мужем неверной жены⁶³.

В один из сентябрьских дней, отправившись верхом в сопровождении своего штаба на праздник, организованный неподалеку от Каира, Бонапарт повстречался с караваном ослов, на которых возвращались в город веселые солдаты. Среди них была молодая голубоглазая блондинка, серебристый переливчатый смех которой заставил Бонапарта обернуться. Порывы ветра, поднимая подол ее платья, обнажали прекрасные стройные ноги. Он смотрел на нее, как рассказывали, «со смешанным чувством удивления и восхищения».

Вечером, вернувшись во дворец, он спросил у Бертье, что это за молодая особа, которую он встретил. Генерал-майор быстро навел справки и доложил Бонапарту:

– Это – гражданка Полина Фурес. Чтобы приехать сюда с мужем, она переделалась в мужское платье. Несмотря на юный возраст – ей всего двадцать лет, – она проявила большое мужество во время ужасного марша через пески пустыни. Там, где мужчины падали от солнечного удара, песка и обжигающего ветра, она шла, стиснув зубы и не произнося ни слова. Все сол-

даты 22-го егерского полка влюблены в нее, но относятся к ней с уважением, поскольку у них с мужем образцовая семья...

Так кто же была эта очаровательная Полина, привлекавшая внимание главнокомандующего?

Лучше всего о ней рассказывает герцогиня д'Абрантес:

«Полина родилась в Каркассоне. Отец ее был человеком благородным, а мать, думаю, горничной или же кухаркой. Воспитание девушка получила от этих двух существ, которые дали ей жизнь. Получив кое-какое образование, она пошла работать. Это была одна из самых красивых девушек в городе, да к тому же полна добродетелей. Поведение ее было очень примерным, а в Каркассоне это очень ценилось. Нравы там совсем другие, не такие, как в Париже...

Ее называли Полиной Белиль, Красоткой, поскольку она и впрямь была очаровательна. Это прозвище она получила в доме одного из моих друзей. Господин и госпожа де Саль были к ней очень добры, и она этого заслуживала; оба они относились к ней скорее как к своему ребенку, нежели как к приходящей служанке.

Как-то господин де Саль пригласил гостей на ужин. Когда подали десерт, все захотели петь, как это заведено в провинции. Господин де Саль послал за Красоткой и, как она ни противилась, усадил за стол. Она пела, читала стихи с очарованием и легкостью. По тем временам это было редким, если не сказать уникальным, явлением среди работниц не только в провинции, но и в Париже. Красотка на гостей произвела хорошее впечатление. Она почувствовала это и именно с этого дня узнала себе истинную цену.

– Я тоже хочу быть хозяйкой дома, – заявила она господину де Салю. – У господина Фуреса состояние меньше вашего, но там у меня будет положение. Поэтому я согласилась выйти за него замуж.

Спустя некоторое время в Каркассон пришло известие о подготовке экспедиции в Египет. Фурес, уже прошедший военную службу, решил откликнуться на призыв ко всем бывшим военным, кто мог еще носить оружие. Все знали, что он уезжает, но не знали куда. Фурес отправился в Тулон, где был назначен общий сбор. Но поскольку он очень любил свою жену, он пожелал взять ее с собой, куда бы ни пришлось ехать. А молодая женщина, склонная к приключениям, только и ждала того, чтобы покинуть родное гнездо для того, чтобы улететь подальше и испытать свои молодые крылья. Поэтому, переодевшись в мужское платье, она добралась до Египта, не будучи замеченной Бонапартом»⁶⁴.

Этой пышной блондинке суждено было дать Бонапарту возможность восстановить свой престиж в Восточной армии...

Прежде чем уложить Полину к себе в постель, Бонапарт стал участником довольно-таки любопытного происшествия.

Как-то утром к Бонапарту во дворец, который он избрал для своего местопребывания⁶⁵, явилась жена генерала Вердье в крайней степени возбуждения.

– Гражданин генерал, – выпалила она, – Бертье сказал мне, что вы ищете молодую привлекательную с виду и опытную особу для приятного времяпровождения. Он сказал мне также, что вы были очень недовольны теми толстыми и слишком надушенными рабынями, которых вам показали. Поэтому я обошла несколько гаремов и обнаружила очаровательную шестнадцатилетнюю девственницу с огромными глазами. Мне показали ее голой. Ее тело было гибким, грудь – плотной и высокой, бедра – эластичными, ноги – длинными, а пушок – шелковистым...

Орлиный взор Бонапарта на секунду потерял легендарную уверенность. Довольная действием, произведенным на него описанием, гражданка Вердье продолжала:

– Это чудо зовется Зенаб. Она – дочь шейха Эль-Бекри, который согласился отпустить ее со мной на один вечер. Если она вам понравится, вы сможете делать все, что захотите...

– Когда я смогу увидеть эту особу? – спросил он.

– Она должна прийти ко мне на чай сегодня после обеда.

– Я тоже буду у вас!

В четыре часа молодой генерал, облачившись в мундир из толстой синей материи, который лишь он один в армии носил при температуре 35 градусов в тени, прибыл к жене генерала Вердье. Зенаб уже была там со своей матерью. Перед ними стояла горка пирожных с конфитюром из эвкалипта. Бонапарта девушка сразу же очаровала. Сказав ей несколько комплиментов и ласково поговорив с ее мамашей, он выпил чашку кофе и собрался уходить.

На пороге он шепнул госпоже Вердье:

– Пусть вечером ее приведут ко мне!

Очень довольная собой, генеральша передала приглашение Бонапарта египтянкам, которые громкими криками начали выражать свою радость...

– В этом следует видеть подарок неба, – сказала им хозяйка дома, – ибо генерал Бонапарт – самый великий человек на земле.

Зенаб и ее мать упали на колени, стали целовать коврик и, славя Аллаха, вернулись домой. С еще большим рвением они славили его через два часа, когда французский солдат принес Зенаб от главнокомандующего роскошный подарок – сундучок, набитый браслетами, колье, дорогими шарфами и замороженными фруктами...

Вечером, когда Бонапарт с нетерпением ждал молодую арабку, чьи красота и грациозность так очаровали его, госпоже Вердье в голову пришла нелепая мысль. Задумав сделать Зенаб еще более соблазнительной, она передела ее в юную парижанку. «С помощью нескольких француженок, – пишет Марсель Дюпон, – она сменила ей прическу, прилепила шиньон, нарядила в длинное платье времен Директории, натянула на длинные загорелые ноги чулки с позолоченной нитью, надела на маленькие красивые ступни узкие атласные башмачки. Скользя в движениях, чувствуя себя не в своей тарелке, бедная Зенаб потеряла все свое очарование»⁶⁶.

В десять часов вечера эту напомаженную куклу привели во дворец Эльфи-бея, где Бонапарт в халате готовился провести безумную ночь. Увидев ее, он застыл в остолбенении:

– Кто это? – спросил он.

Адъютант пояснил, что жена генерала Вердье сочла нужным придать маленькой Зенаб европейский вид. Бонапарт был крайне разочарован, и его чувственный порыв, который владел им в предвкушении экзотики, пропал...

Поняв, что он разочарован ею, девочка, которая считала за праздник этот день, когда ей суждено было потерять невинность, горько зарыдала. Видя искреннее горе ребенка, генерал сжалился.

– Ну же, прекрати плакать, – сказал он. – Раздевайся!

Он по-отечески помог ей снять платье, распустить волосы и стянуть чулки. Когда она осталась совершенно голой, он увидел самое прекрасное в мире тело...

Взяв ее на руки, он отнес ее на кровать и «положил руку на дельту», как образно выражались члены экспедиции с той врожденной склонностью к этому, которая столь характерна для выходцев из народа.

Девочка перестала плакать и застенчиво улыбнулась. Такое вежливое обращение наполнило ее простодушной радостью.

– Спасибо, генерал! – сказала она.

Польщенный Бонапарт стал работать на совесть, перейдя к более серьезным вещам, и Зенаб стала женщиной с восторженным выражением на лице. Как у ребенка, которому дали большую конфету...

Рано утром Бонапарт велел доставить маленькую Зенаб в дом ее отца с еще более богатыми подарками. Но этот роман не имел продолжения. Для того чтобы одновременно отомстить и Жозефине, и Англии, Наполеону нужно было нечто другое, нежели это дитя...

Тогда он вновь вспомнил о Полине Фурес и стал думать, как устроить встречу с ней.

Ему помог случай...

Жизнь в Каире начала входить в нормальное русло. Ежедневно открывались кафе, лавочки, бани, а в ноябре 1798 года все ожидали открытия одного заведения, которое хозяин хотел превратить в нечто похожее на знаменитый Тиволи, куда парижане приходили веселиться каждое воскресенье. Вот его краткое рекламное описание, опубликованное в газете «Египетский курьер»:

«Сад этот самый большой и самый красивый во всем Каире. В нем растут апельсиновые и лимонные деревья, а также другие растения, наполняющие воздух ароматом своих цветов. С помощью многих уже построенных колодцев с колесным приводом во всех уголках сада будет течь вода.

В доме будут все развлечения и удобства, которые только можно пожелать. Там будет читальный зал, где будут собраны редчайшие книги...

Наконец, в этом месте будет все, что может доставить удовольствие всем, кто сюда придет. Если в Париже есть Тиволи, Елисейские Поля и множество других прекрасных садов, надо, чтобы и в Каире тоже было место отдыха с помпезным названием, где можно было бы повеселиться. Кстати, это, возможно, привлечет в наше общество жителей страны и их женщин и, таким образом, исподволь привьет им французские привычки, вкусы и моды».

Торжественное открытие этого египетского Тиволи было назначено на 30 ноября. В тот день по указанию Бонапарта должен был состояться запуск монгольфьера.

В четыре часа аппарат, который, как было указано в напечатанных на арабском языке афишах, «летал с помощью средств, придуманных французами», поднялся в воздух над площадью Эсбекиек, к огромному удивлению египтян. После чего толпа направилась в Тиволи, где директор парка Даржевел, однокашник Бонапарта по училищу в Бриенне, ожидал гостей перед зарослями гигантского жасмина.

В несколько минут все аллеи заполнились посетителями, которые за каждым поворотом обнаруживали все новые и новые аттракционы, жонглеров, качели, деревянных лошадей, продавцов мороженого, оркестр, бильярдный зал, турецкий ресторан и т. и.

Бонапарт в сопровождении Жюно прибыл в шесть часов. Он полюбовался садами, поаплодировал акробатам и собрался уже было направиться к танцовщицам, как вдруг остановился как вкопанный и побледнел, глядя на какую-то молодую женщину, которая со смехом слезала с качелей.

Это была Полина Фурес.

Оставив Жюно, он устремился к ней и, поклонившись, произнес несколько достойных артиллериста комплиментов. Счастливая тем, что привлекла к себе внимание главнокомандующего, но пришедшая в крайнее смущение, молодая женщина пробормотала в ответ что-то невнятное. Бонапарт снова поклонился и поцеловал ей руку:

– Надеюсь, что мы снова увидимся, и в более уединенном месте, – сказал он ей, перед тем как проститься.

Простодушная Полина обрадовалась, не без основания считая, что эта встреча может послужить карьере мужа...

Утром следующего дня Бонапарт, занятый несколькими делами одновременно (а мы знаем, что он мог это делать), вызвал к себе Жюно и, диктуя ему записку к членам Института Египта, сказал:

– Ты помнишь гражданку Фурес? Я должен снова увидеть ее.

Затем, изложив основные направления плана реорганизации военных оркестров, продолжал:

– Ее муж сегодня утром отправился с колонной в дельту. Воспользуйся его отсутствием и сходи к ней.

Затем он набросал проект военной формы для мамелюков, призванных на флот, и в заключение сказал:

– Ты постарайся аккуратно намекнуть ей, что она мне нравится, и сделай так, чтобы она согласилась поужинать со мной.

Жюно обладал многими достоинствами, но особой тонкостью не отличался. Он пришел к Полине и, щелкнув каблуками, заговорил тоном, которым обычно читал обращения к солдатам:

– Гражданка! Я пришел от генерала Бонапарта. Вы ему нравитесь. И он хотел бы, чтобы вы стали любовницей!..

Молодая женщина оцепенела. Глаза ее похолодели, она посмотрела на Жюно, но ничего не сказала. Такая очаровательная прямота пугала ее. Вот уже два дня она была готова отдаться Бонапарту, но теперь, после столь грубого предложения, она не решилась на это согласиться.

– Полковник, – сказала она, – идите и передайте генералу, что я люблю своего мужа и никогда ему не изменю!

Огорченный Жюно, пытаясь уладить дело, вздумал высмеять Фуреса. Он с усмешкой сравнил его с Бонапартом. В результате Полина указала ему на дверь...

Посрамленный адъютант вернулся во дворец Эльфи-бея и рассказал Бонапарту о состоявшемся разговоре.

Тот понял, что в качестве посланца любви выбрал не того человека.

Вечером того же дня он послал к Полине своего второго адъютанта, Дюрока. Дюрок был галантен, ловок, дипломатичен. Он начал с того, что выразил сожаление по поводу «печальной инициативы» солдафона, который посетил ее утром; затем, видя, что молодая женщина немного оттаяла, долго говорил ей о том восхищении, которое испытывал по отношению к ней генерал, и о том, что тому не терпится вновь увидеть ее...

Наконец, собираясь уже уходить, он поставил на ночной столик маленький ларчик:

– Генерал велел вручить вам вот это в память о вашей с ним встрече в Тиволи, – сказал он.

Едва он ушел, Красотка открыла ларчик и нашла в нем великолепный египетский браслет, украшенный бриллиантами и другими драгоценными камнями.

Никогда в жизни скромная работница из Каркассона не видела столь прекрасного украшения. Она была в восторге и подумала, что дружить с этим щедрым генералом было бы, очевидно, неплохо...

Как пишет один из биографов Наполеона, «в глубине души в обмен на это украшение она уже отдала Бонапарту “свою драгоценность”...»⁶⁷.

С того дня Дюрок ежедневно приносил Полине письмо от генерала и обязательно какой-нибудь подарок.

Молодая женщина с наслаждением читала эти полные страстных уверений послания, которые корсиканец писал по ночам, а потом шла прятать очередной подарок в сундучок, о существовании которого Фурес, естественно, не подозревал.

По прошествии двух недель Красотка стала проявлять признаки нетерпения. Вполне законное желание отблагодарить своего поклонника с помощью средств, дарованных ей природой, начало вызывать у нее «местное почесывание», лекарство от которого – увы! – находилось во дворце Эльфи-бея... Ночи ее вскоре стали очень беспокойными из-за снов, сладострастие которых очень удивляло ее при пробуждении. «Некоторые из ее снов, – пишет Поль Дюрюи, – были результатом такого свободного воображения, что они имели для Полины реаль-

ную поучительную ценность. Юная каркассонка оставалась очень чистой и для того, чтобы успокоить свои чувства, ограничивалась лишь крайне ортодоксальными связями. Ее собственные сны вдруг открыли ей новые горизонты...»

Войдя таким образом во вкус, она стала нервной и подумала, что генерал не очень-то торопится назначить ей свидание. И когда Полина уже совсем было впала в отчаяние, она получила от коменданта Каира, генерала Дюпюи, приглашительный билет, в котором тот приглашал ее одну к себе на ужин. Это очень удивило лейтенанта Фуреса.

– Странно, – сказал он. – Почему же и меня не пригласили, ведь я как-никак офицер.

Полина долго втолковывала ему, что ей невозможно было отказаться от приглашения «генерала, представлявшего военный порядок», и с бьющимся сердцем отправилась в дом Дюпюи.

У нее были веские причины для волнения, кстати, так же, как и у ее мужа. Послушаем же герцогиню д'Абрантес:

«Госпожу Фурес приняли очень хорошо. На ужине гостей было немного, и все было спокойно и ничто не предвещало того, что должно было произойти. Но когда собирались подавать кофе, в доме вдруг послышался шум, двери с грохотом распахнулись и на пороге появился главнокомандующий. Дюпюи стал пространно извиняться перед ним за то, что они все еще сидели за столом, а затем пригласил его выпить хотя бы чашечку кофе. Наполеон согласился»⁶⁸.

Понятно, что это представление было подготовлено самим Бонапартом. Естественно, его усадили рядом с Полиной. Обменявшись с ней парой слов, он взял чашку с кофе и – как бы случайно – опрокинул ее на платье молодой женщины.

Все ахнули, а Бонапарт, искусно разыграв смущение, взялся лично исправить свою оплошность:

– Мне очень жаль, – сказал он. – Где тут у вас вода?

– В моей комнате, – ответил генерал Дюпюи.

– Пойдемте, я не хочу, чтобы у вас из-за меня остались плохие воспоминания об этом ужине...

Полина прошла за Бонапартом в комнату.

Они вышли из нее лишь через два часа!

Приличия были вроде бы соблюдены, однако же у любовников был такой усталый и одновременно торжествующий вид, что нетрудно было догадаться, каким именно образом они замывали пятна от кофе...

Вернувшись во дворец, Бонапарт подумал, что после всего этого лейтенант Фурес становится ему помехой. Решив сделать Красотку своей официальной любовницей и показать это всем, он решил устранить эту досадную помеху.

На другой день начальник штаба Бертье вызвал к себе лейтенанта. Тот немедленно приехал в штаб.

– Дорогой мой Фурес, – сказал он ему. – Вы счастливее нас, поскольку возвращаетесь во Францию!

– Я?!

– Да. Главнокомандующий, который вас высоко ценит, посылает вас в Европу с депешами для Директории. Вот приказ.

Обманутый и ошалевший муж, с трудом вникая в содержание, прочел:

«Гражданину Фуресу, лейтенанту егерей.

Каиру Штаб-квартира, 28 фримера VII года.

Гражданину Фуресу, лейтенанту 22-го полка конных егерей, предписывается первым же дилижансом выехать в Розетт для того, чтобы в последующем убыть в Александрию и

там сесть на бриг, который предоставит в его распоряжение командующий флотом, после вручения оному настоящего приказа.

Указанному гражданину надлежит доставить прилагаемые депеши, которые он вскроет только после выхода в море и в которых найдет необходимые инструкции.

Ему вручается сумма в три тысячи франков на расходы, связанные с выполнением задания.

По распоряжению главнокомандующего

Подпись: Бертъе».

– Вы уезжаете из Каира через час, – добавил генерал. – Карета и эскорт уже готовы.

– Я сейчас же пойду скажу жене, чтобы поскорее собиралась, – сказал Фурес.

Бертъе даже подскочил:

– Вы хотите ехать с женой?! И думать не смейте! Взять ее в подобную командировку – это верх безумия! Подумайте о том, что в море вас могут перехватить англичане. Представьте себе, каким опасностям вы хотите ее, бедную, подвергнуть! Дорогой мой, опасность велика: она может стать жертвой случайного выстрела, она может оказаться в руках офицеров флота его британского величества, которые, вы не можете этого не понимать, находятся в море уже несколько месяцев и так истосковались по свежей плоти! Будьте же разумны и оставьте эту затею. Мы здесь присмотрим за гражданкой Фурес!

И тогда лейтенант, очень гордый своими «особыми заслугами, позволившими ему выйти из тени», отправился укладывать чемоданы.

Жене своей он объяснил, выпятив грудь, что главнокомандующий наконец-то оценил его заслуги. «Но, – как сообщает нам герцогиня д'Абрантес, – Полина, знавшая истинную причину выбора Бонапартом кандидатуры своего мужа, прощаясь с ним, одним глазом плакала, а другим смеялась...»

Глава 7

Англичане прерывают идиллию Бонапарта с Полиной Фурес

Англия помешала мне жить счастливо.

Наполеон

Лейтенант Фурес был человеком со своими принципами. Каждый свой поступок он сопровождал соответствующими церемониями, которые должны были подчеркнуть важность деяния и усилить его блеск.

Имея в своем распоряжении слишком мало времени, он стал лихорадочно обдумывать, какой бы, пусть маленький, праздник устроить, чтобы придать своему отъезду хотя бы видимость торжественности. И в голову ему тогда пришла мысль организовать вместо «прощального ужина» с женой небольшой «прощальный праздник любви»... Подозвав Полину, он на своем ужасном военном жаргоне изложил ей свой план. Получив желанное одобрение, он подвел жену к кровати, и они сразу же начали свой семейный праздник...

«Целый час, – пишет Леоне Дешам, – супруги вкушали наслаждение из кубка любви». А затем автор добавляет с неуместным лиризмом: «Ноги Полины, задранные вверх, как бы посылали прощальный привет прошлому, с которым ей предстояло порвать...»⁶⁹

Наконец Фурес, «покинув райские кущи сладострастия, опустился на грешную землю», не подозревая того, что ревился он с Полиной в последний раз...

В пять часов вечера, опьяненный собственной значимостью и полагая, что судьба и впрямь уготовила ему особое предназначение, он с легким сердцем покинул Каир.

Между тем, едва рассеялась «пыль, поднятая копытами лошадей конвоя», из соседнего дома вышел Жюно и направился в дом Полины.

Молодая женщина пребывала еще в том состоянии, в котором оставил ее лейтенант после сеанса прощания.

Запахнувшись в пеньюар и еще не отдышавшись полностью, она встретила Жюно.

Тот, прищелкнув каблуками, отдал честь и выпалил фразу, которую Бонапарт предусмотрительно заставил его выучить наизусть:

– Гражданка, генерал просит вас отужинать с ним сегодня во дворце Эльфи-бея.

Полина, хотя и несколько удивленная такой стремительностью, согласилась:

– Я приду! – ответила она.

Вечером, сидя по правую руку от главнокомандующего, «она очаровала красотой своей всех гостей, собравшихся в ее честь»⁷⁰. Со свойственной женщинам необычайной способностью адаптироваться в любой ситуации, она сумела сразу же войти в роль фаворитки. Когда подали десерт, все уже считали ее хозяйкой дворца...

В полночь, стоя рядом с Бонапартом у дверей салона, она прощалась с гостями...

Когда все ушли, главнокомандующий, проявивший себя во время ужина нежным и предупредительным кавалером, отвел молодую женщину в спальню и в ознаменование встречи занялся с ней тем же самым, чем Фурес занимался на прощание...

А пока во дворце Эльфи-бея любовники, совсем потеряв голову, наслаждались друг другом, наш лейтенант катил в направлении Александрии. В Ом-Динар, где была первая остановка, он распечатал конверт, который вручил ему Бертье, и прочел приказ, касающийся его задания:

«Каиру Штаб-квартира, 27 фримера VII года.

Судно, на борт которого Вы подниметесь, доставит Вас на Мальту. Там Вы вручите прилагаемые письма адмиралу Вальневу и генерал-губернатору Мальты.

Командующий флотом на Мальте немедленно выделит в Ваше распоряжение корабль, который доставит Вас в один из портов в Италии, который он сочтет самым безопасным; оттуда Вам надлежит немедленно и как можно скорее добраться в Париж и вручить правительству прилагаемые депеши.

В Париже Вам надлежит пробыть восемь дней; после чего Вам следует немедленно вернуться в один из портов Неаполитанского королевства или в Анкин.

Не заходя в Александрию, Вы должны будете пристать с кораблем в Дамьете.

Перед тем как уехать, Вам предстоит увидеться с одним из моих братьев – членов Законодательного собрания; он вручит Вам все бумаги издания, которые выйдут начиная с мессидора.

Рассчитываю на Ваше усердие во всех неожиданных событиях, которые могут произойти при выполнении полученного Вами задания, а также на то, что Вы сумеете благополучно доставить депеши правительству и привезти мне ответы.

Подпись: Бонапарт».

Этот документ, который произвел очень сильное впечатление на Фуреса, поставил много вопросов перед историками: неужели Бонапарт считал возможным совершить такое плавание в то время, когда англичане хозяйничали в Средиземном море и их корабли постоянно маячили перед Александрией? Это кажется маловероятным. Да к тому же в депешах, врученных Фуресу, содержались не такие уж важные донесения: о захвате Суэца генералом Боном, об экспедиции Дезекса в Верхний Египет, об организации армии, о сосредоточении турок в Сирии. Выходит, для того, чтобы убраться подальше мужа госпожи Фурес, Бонапарт, не колеблясь, жертвовал боевым кораблем и его экипажем...

Как заметил Марсель Дюпон: «У великих людей иногда бывают такие слабости, перед которыми простой честный человек пасует...»

28 декабря Фурес поднялся на борт посыльного судна «Охотник», которым командовал капитан Лоран.

Тот не стал скрывать от лейтенанта трудностей предстоящего плавания.

– Прямо перед нами, – сказал он, прежде чем дать команду сниматься с якоря, – находится английская эскадра в составе трех многопалубных кораблей и двух фрегатов. Не хочу быть пессимистом, но думаю, что прорваться через эту армаду у нас один шанс из четырех. В любом случае мы сможем выйти в море только ночью. «Охотник» – прекрасный парусник, и, если мы потушим все огни, ветер останется благоприятным и мы не нарвемся на них, на рассвете мы будем милях в шестидесяти от них. Тогда у нас появятся кое-какие шансы уцелеть.

В семь часов вечера посыльное судно снялось с якоря и вышло из порта. Обеспокоенный Фурес не стал ложиться спать и остался стоять рядом с капитаном, напряженно всматриваясь в темноту.

Так он и простоял на капитанском мостике двенадцать часов кряду, слушая свист ветра и поскрипывание мачт и пытаясь уловить малейший посторонний шум. Ему казалось, что в любой момент из мрака ночи может появиться гигантское очертание английского корабля...

На заре он спустился в кают-компанию для того, чтобы выпить кружку глинтвейна. В этот момент раздался крик:

– Парус за кормой!

Капитан Лоран схватился за бинокль:

– Это англичанин. Он догонит нас приблизительно через пять часов... Срочно сожгите все ваши депеши! Нас скоро захватят!

Фурес, надеясь на чудо, посчитал за лучшее не спешить и, тщательно скатав драгоценные документы, спрятал их в интимное место своего тела...

В полдень по «Охотнику» был произведен предупредительный выстрел.

Экипаж немедленно спустил паруса и сбросил в море четыре орудия. В час дня на борт поднялись два британских офицера с командой захвата. В два рейса капитан Лоран, его офицеры, матросы и Фурес были перевезены на британский корабль «Лев».

Узнав о том, что лейтенант был направлен с заданием Бонапарта, капитан английского корабля позвал на помощь матросов. «Его обыскали, – рассказывает нам герцогиня д'Абрантес, – затем раздели до нижнего белья, чтобы убедиться, не прятал ли он более важного послания, поскольку английский капитан, просмотрев те бумаги, которые лейтенант так хитроумно спрятал, не нашел ничего ценного, а сведения, которые вез лейтенант, капитан сам имел честь, он это хорошо помнил, отправить в Лондон несколько недель тому назад, и эти сведения потом были опубликованы в “Мониторе” Директорией».

Не найдя ничего интересного, англичанин обратился к лейтенанту:

– Как вас зовут?

– Жан-Ноэль Фурес!

Услышав это имя, капитан «Льва», который, как сообщает нам все та же герцогиня д'Абрантес, «имел из Египта такую свежую и точную информацию, как если бы он жил в Каире или Александрии, подмигнул своему старшему офицеру»⁷¹. Мгновенно пришедшая ему на ум мысль о том, чтобы помешать Бонапарту «в его любовных уладах», показалась ему остроумной. Он подумал, что правительство в Лондоне будет этим довольным.

– Сэр, – сказал он Фуресу. – Перед тем как вернуться в Англию, корабль, которым Его Величество оказал мне честь командовать, должен будет совершить долгое плавание в восточных морях. Я обязан оставить на борту в качестве пленников офицеров и экипаж «Охотника», но, что касается вас лично, то, поскольку ваше задание потеряло всякий смысл, я не хотел бы навязывать вам участие в плавании, которое продлится несколько месяцев. Если вы можете дать мне слово офицера не воевать против Англии до окончания военных действий, я с радостью высажу вас в любой точке египетского побережья, которую вы выберете...

– Я даю вам слово, – ответил обезумевший от радости Фурес.

Вечером того же дня капитан «Льва», счастливый тем, что мог подложить Бонапарту свинью, привез лейтенанта назад в Египет.

...Там ему суждено было узнать, по словам госпожи д'Абрантес, «что не все крокодилы водились только в Ниле...».

Глубокой ночью шлюпка со «Льва» высадила Фуреса в маленькой бухточке неподалеку от Александрии. Когда взошло солнце, он сидел, клацая зубами от холода, на скале, счастливый от мысли, что сможет скоро снова увидеться со своей Красоткой.

Часов в восемь утра какой-то проезжавший мимо египтянин согласился подвезти его в своей повозке, запряженной ослом. К полудню они подъехали к городу.

Лейтенант немедленно помчался к командиру александрийского гарнизона Мармону и рассказал о том, что с ним приключилось.

– Благодаря необычайному милосердию английского офицера, – сказал он, светясь от радости, – я преподнесу жене хороший сюрприз.

Генерал, который знал о том, что Бонапарт поселил Полину в роскошном дворце в двух шагах от дворца, служившего ему резиденцией, с трудом сдерживая смех, подумал, что жизнь все-таки занимательная штука.

– Я полагаю, – сказал он, – что вам лучше пока побыть здесь. Ваше задание сорвалось, но еще не закончилось. Генерал Бонапарт, несомненно, пришлет вам новые инструкции. С вашей стороны было бы неразумно предпринимать шаги, которые могут ему не понравиться...

Фурес покачал головой:

– Я уверен, что он поймет мое нетерпение. Да и к тому же я потерял депеши: я всего лишь пустой чемодан. А что можно сделать с пустым чемоданом в Александрии? Если его надо снова наполнить, следует вернуться в Каир.

Мармон, хотя это и веселило его, все же обеспокоился, представив, какой скандал мог разразиться. Не зная, какие еще дополнительные аргументы следует привести, он заговорил более жестким тоном:

– У меня нет причин вас удерживать, лейтенант, но я вас предупреждаю: если вы вернетесь в Каир, вам плохо придется!

Фурес улыбнулся:

– Конечно же, главнокомандующий будет очень недоволен тем, что я не выполнил задания, – сказал он. – Но он будет так рад увидеть меня живым и невредимым, хотя я мог остаться в плену у англичан, что он наверняка простит меня!..

Такая наивность, такая глупая самоуверенность в конце концов вывели Мармона из себя. Немного подумав, он решил, что этот дурак заслуживает хорошего урока, и разрешил ему уехать...

Фурес сел на джерму⁷², которая шла вверх по Нилу, и через шесть дней был уже в Каире. Горя нетерпением поскорее обнять Полину, он помчался домой. При виде пустого дома он страшно удивился.

Он стал звать жену, открыл все двери и тут заметил слой пыли на мебели и отсутствие всех вещей жены. Будучи не настолько глупым, как казался с виду, он заключил из всего этого, что Полина уехала.

«Тогда, – рассказывает нам Леоне Дешам, – он присел на сундук, оценил ситуацию, взвесив все “за” и “против”, и решился-таки допустить, что, несмотря на звание лейтенанта егерей, он стал рогоносцем!..»⁷³

Это открытие взбесило его.

Недолго думая, он помчался в клуб офицеров 22-го егерского полка для того, чтобы узнать имя своего соперника.

Когда он ворвался туда, четыре лейтенанта играли в карты.

– Где Полина? – завопил он.

Все четверо посмотрели на него с тоской. Один из них аккуратно прикрыл дверь, потом вернулся на место.

– Твоя жена у генерала Бонапарта!

А потом в деталях, словно речь шла о какой-то любопытной истории, они рассказали Фуресу, как ему изменила Полина. Бедняга узнал от них, что она жила в великолепном дворце, расположенном на Биркет-эль-Ратль, почти рядом с дворцом Эльфи-бея, что ежедневно в три часа она отправлялась к Бонапарту, что она везде сопровождала его и что солдаты прозвали ее

Клеопатрой и Богородицею Востока. Что она занимала место во главе стола генералиссимуса и в свой дворец возвращалась только рано утром.

Офицеры вежливо сообщили также Фуресу, что весь каирский гарнизон осуждает поведение Полины, а генерала за это называют малопочтительными именами...

Но лейтенанта это мало утешило. Не говоря ни слова, он вернулся домой, взял плетку и направился на Биркет-эль-Ратль.

Увидев великолепный дворец, в котором теперь проживала Полина, он чуть не задохнулся от гнева. Стиснув челюсти, он прошел через усаженный сикиморами двор, мимо журчавших фонтанов и вошел под свод огромного салона, забитого коврами, подушками, драгоценными вещами. Навстречу ему попался слуга; он оттолкнул его, распахнул дверь и вдруг увидел Полину: она лежала, нагая, в ванне...

Увидев мужа, молодая женщина, полагавшая, что тот находится на Мальте, пришла в ужас. Она попыталась убежать, начала звать на помощь, но Фурес, схватив ее за волосы, успел нанести семь ударов плетью, оставив на теле кровавые рубцы, прежде чем привлеченные ее воплями слуги не без труда скрутили лейтенанта и вытолкали его на улицу.

Бонапарт, которому немедленно донесли об этом происшествии, примчался во дворец к своей любовнице.

– Его надо арестовать, – простонала Полина. – И посадить в тюрьму.

«Будучи в первую очередь военным, а уж потом любовником, – рассказывает нам Леоне Дешам, – он не стал совершать второй ошибки», а просто сказал:

– Я не могу этого сделать. Но завтра же ты потребуешь развода.

Естественно, в течение восьми дней все находившиеся в Каире французы говорили только об этом. Больше всех над Фуресом насмеялся генерал Бертье:

– Этот бедный Фурес не понял, какой ему предоставлялся шанс, – заметил он. – С такой женой этот егеря никогда не возвращался бы с охоты с пустыми руками...

Но Бертье смеялся напрасно. Послушаем Жозефа Тюркана:

«Генерал-майор, так безжалостно насмехаясь над несчастным лейтенантом, вовсе не подозревал, что сам он находился примерно в таком же положении обманутого мужчины. Его любовница, знаменитая госпожа Висконти, в которую он был безумно влюблен, для которой возвел алтарь не только в своем сердце, но и в палатке, всегда стоявшей рядом с его палаткой во всех походах, и на который он поместил портрет своего идола для того, чтобы ежедневно молиться, стоя на коленях, эта госпожа Висконти именно в то время, когда он молился, изменяла ему с господином Александром де Лабордом и была постоянно в окружении толпы молодых людей»⁷⁴.

Как гласит пословица жителей провинции Пуату: «Над рогами смеются самые рогатые»...

К счастью, спустя неделю про скандал, устроенный Фуресом, забыли из-за одного довольно любопытного происшествия.

У арабов выкупили захваченных в плен французов.

Главнокомандующий, желая получить сведения о расположении войск противника, обратился с расспросами к одному из бывших пленников.

Но в ответ этот человек неожиданно зарыдал и, как рассказывают, «схватился руками за свой зад».

– Почему ты плачешь? – спросил Бонапарт.

Тот объяснил, что арабы поступили с его местом (осмелюсь так выразиться) точно так же, как некогда поступал Генрих III с молодыми людьми, которые имели несчастье ему приглядеться...

Бонапарт расхохотался:

– Чудак человек, стоит ли так переживать! Благодарю лучше небо за то, что смог так легко отделаться. Ну, хватит плакать! Отвечай, что ты заметил?

Но несчастный, видимо, так страдал от нанесенного ему оскорбления, что Бонапарт не смог вытянуть из него ничего интересного. На все вопросы он со слезами отвечал, что в том положении, в которое его поставили, он не в состоянии был вести наблюдения⁷⁵.

Эта пикантная история помогла Полине забыть про свои несчастья...

Глава 8

Подтвердив подозрения Бонапарта о неверности его жены, Жюно мешает ему разгромить турок

Мысль о том, что он мог быть рогоносцем, очень раздражала его.
Мишель Обриан

Как только комиссар-распорядитель Сартелон расторг брак Жана-Ноэля Фуреса и Полины Белиль, Бонапарт вновь с головой окунулся в любовные забавы.

Надо было, чтобы все узнали о его связи с Красоткой, чтобы армия, ученые, англичане, Франция, Европа и Жозефина были в курсе того, что у него любовница и что любовницей его была самая красивая француженка в Египте. Надо было, чтобы все навсегда позабыли о том, что он был обманутым мужем. Надо было также, чтобы Красотка, проявлявшая себя пылкой и изобретательной любовницей ночью, днем стала орудием его мщения и скрасила его семейные неурядицы.

И он гарцевал рядом с ней по улицам Каира, впереди войск и при встречах с арабами, которые прозвали ее *Sett-el-Sultan Kebir*: дамой великого султана...

Для прогулок у Полины были два великолепных наряда: синий, шитый золотом мундир дивизионного генерала с белыми лосинами и шляпой с трехцветными перьями и мундир офицера 7-го гусарского полка с венгеркой, доломаном и ярко-синими лосинами, колетом, курткой и ярко-красным поясом, расшитым шнурками, венгерка с золотым шитьем.

При ее появлении солдаты с улыбкой переглядывались:

– Вот наша генеральша!

Иногда влюбленные отправлялись в коляске на берег Нила в сопровождении взвода кавалеристов под командованием дежурного адъютанта.

Однажды вечером этим адъютантом был Евгений де Богарнэ. В течение всей прогулки Бонапарт держал Полину на коленях, ласкал и целовал ее на глазах своего приемного сына, скакавшего рядом с каретой.

«В присутствии этого свидетеля, который мог обо всем рассказать Жозефине и, таким образом, дать ей понять, что она в немилости, и, возможно, заставить ее страдать, как он сам когда-то страдал, он проявлял такую большую, можно даже сказать, чрезмерную нежность, что его жесты скорее были шутовскими, нежели фривольными. Если было бы удобно овладеть Полиной прямо на сиденье коляски, он сделал бы это не задумываясь, только для того, чтобы досадить Жозефине, которую ненавидел так же, как раньше любил»⁷⁶.

На Евгения поведение Бонапарта подействовало угнетающе. На следующее же утро он явился к Бертье и попросил освободить его от службы при главнокомандующем.

– Переведите меня простым лейтенантом в какую-нибудь полубригаду, – заявил он. – Я не могу больше это наблюдать.

Узнав об этом, Бонапарт очень рассердился. Он вызвал молодого человека к себе, сурово отчитал его, доведя до слез, а затем ущипнул за ухо. Евгений остался его адъютантом, но более не был принужден созерцать любовные забавы отчима и Полины...

Весь месяц Бонапарт с Полиной не только «занимался сладостным мщением», но и познавал чистое и радостное наслаждение. Это были самые прекрасные дни его жизни.

Увы! Этот медовый месяц был прерван войной. В феврале 1799 года Турция, союзница Англии и России, сосредоточила войска на Родосе и в Сирии. Едва только Бонапарт узнал о том, что турецкая армия уже достигла долины реки Иордан между Вифлеемом и Иерусалимом, он решил выступить навстречу врагу и разбить его.

Утром 10 февраля, когда двенадцатитысячная армия Бонапарта была готова к выступлению в поход и ждала приказа начать движение, стоя у ворот Каира, Бонапарт простался с Полиной. Перед тем как расстаться, он захотел в последний раз выразить ей свою привязанность.

– Роди мне ребенка, – сказал он, одеваясь. – Тогда, слово Бонапарта, я разведусь с Жозефиной и женюсь на тебе!..

После чего присоединился к войскам и отправился в Сирию.

Пока Полина ходила к египетским колдунам, желая с помощью их зачать ребенка, которого так хотел любовник, французские войска прибыли в Мессудию (в переводе с арабского означает «очень богатое»).

Здесь Бонапарту суждено было сделать очень неприятное открытие. Хотя в глубине души он подозревал Жозефину в неверности и очень нуждался в спокойствии накануне битвы, Жюно со свойственной ему бестактностью и, как всегда, не вовремя подтвердил его подозрения. Послушаем Бурьена:

«Когда мы стояли около фонтанов Мессудии, под Эль-Ариши, я увидел, что Бонапарт, как обычно, прогуливается с Жюно. Я был неподалеку от них, и сам не знаю почему, но наблюдал за ними во время их разговора.

И без того бледное лицо генерала стало вдруг еще бледнее обычного и конвульсивно задергалось, взгляд стал блуждающим, и он несколько раз стукнул себя по голове.

Через несколько минут он покинул Жюно и направился ко мне. Никогда еще я не видел его таким недовольным и озабоченным. Я двинулся ему навстречу:

– Вы мне ничуть не преданы! – произнес он строго. – О, женщины! Ах, Жозефина!.. Если бы вы были мне преданы, вы давно бы сообщили мне то, что я только что узнал от Жюно. Вот это – настоящий друг. Ах, Жозефина!.. Она так обманула меня!.. Ах, она! Горе им! Я уничтожу эту породу блондинистых ветрогонов!..

Эти отрывистые и бессвязные восклицания, его перекошенное лицо, резкий голос дали ясно понять, о чем только что шел разговор с Жюно»⁷⁷.

Бурьен начал осторожно успокаивать Бонапарта. Возможно, он сказал ему, что подозрения Жюно были слишком преувеличены, и, чтобы сменить тему, заговорил о славе Бонапарта.

Но в ответ Бонапарт насупил брови:

– Моя слава! – воскликнул он. – О! Не знаю, что бы я отдал за то, чтобы все, что я услышал от Жюно, оказалось неправдой, настолько я люблю эту женщину... Но Жозефина виновна, я должен буду развестись с ней и навсегда расстаться, если не хочу стать объектом насмешек всех этих парижских бездельников! Я напишу Жозефу, пусть он добьется развода...

Спустя пятнадцать дней французская армия была под стенами Сен-Жан-д'Акра, но изнервничавшийся и убитый горем Бонапарт так и не смог его взять, несмотря на отчаянную храбрость шести тысяч французов, тела которых остались лежать под палящим солнцем...

Жюно заплатил за свою бестактность. Помня о Мессудии, Бонапарт постоянно отказывался сделать его маршалом Франции...⁷⁸

Бонапарт вернулся в Каир 14 июня. За ним остатки Сирийской армии несли несколько захваченных у турок знамен для того, чтобы убедить местное население в том, что французы одержали победу...

Выпятив грудь и стараясь улыбаться, главнокомандующий проезжал мимо молчаливых египтян, которые уже знали, чем окончился этот поход.

После этого печального парада Бонапарт, чувствуя себя не в своей тарелке, поспешил к Полине, с которой не виделся целых четыре месяца. Первый поцелуй был продолжительным и страстным.

«Руки генерала метались по желанному телу молодой женщины, – пишет Леоне Дешам. – Скользя от выступа к впадинам, они как бы хотели убедиться в том, что ничто в нем не изменилось, что все знакомые детали остались на своем месте»⁷⁹.

После поверхностного осмотра своей собственности Бонапарт, движимый естественным желанием перейти к более углубленной проверке, отнес Полину на кровать и раздел ее. А затем, к полному удовлетворению обоих, он доказал ей, что четыре месяца боев и походов ничуть не угасили его пыл.

Тяжело дышащий и улыбающийся главнокомандующий, вытянувшись на помятых простынях, наслаждался своим блаженством. Неожиданно он повернулся к Полине и спросил:

– А ребенок?.. Наш ребенок?

Молодая женщина, опустив голову, призналась ему, что пока ничем порадовать его не может.

Бонапарт вдруг рассердился, встал с кровати, быстро оделся и, верный своей привычке обо всем кому-нибудь рассказывать, тут же отправился к Бертье. Прямо с порога он заявил:

– Я хотел, чтобы она родила мне ребенка... Я бы женился на ней... Но эта глупышка никак не может забеременеть!

И, не дожидаясь ответа, поспешно удалился. Это вскоре стало известно Полине.

– Честное слово, – воскликнула она. – Не я тому виной!

И, кстати, была довольно недалеко от истины!

Прошло несколько дней после этой короткой размолвки, и Бонапарт снова стал любезным с Полиной. Он частенько вызывал ее по вечерам во дворец Эльфи-бея и делился с ней своими тревогами. Ибо никогда ранее положение его не было столь опасным: его военная неудача должна была радовать ненавидевших его членов Директории; Восточной армии, численный состав которой сократился до двадцати пяти тысяч человек, угрожало новое нападение турок, а самому ему грозило восстание египтян...

А кроме того – этого он, естественно, любовнице не говорил, – его продолжало угнетать сообщение Жюно.

Он пришел бы в еще более дурное расположение духа, если бы узнал о том, что в Мальмезоне, который он купил, взяв деньги в долг, Жозефина начала разорительную перестройку, изображая из себя полновластную владелицу замка. По вечерам вместе со своим дорогим Ипполитом Шарлем она прогуливалась по аллеям, и запоздалые прохожие с Сен-Жерменской дороги часто видели их. Из-за маленького роста этого бывшего офицера они полагали, что гражданин Бонапарт гуляла в обнимку со своим сыном Евгением...

Одна из сердобольных соседок, увидевшая эту идиллическую сцену, быстренько вернулась домой, чтобы написать эти любопытные строки:

«С дороги видно, как вечерами при свете луны она в белом платье с вуалью ходит под руку со своим сыном, на котором надет черный или синий костюм, и это производит фантастический эффект: можно подумать, что это гуляют две тени. Бедная женщина! Вероятно, она думает о своем первом муже, убитом палачами Революции! Или же о том, кого ей дал Господь и кого в любой момент может лишить жизни шальное ядро. Как он там слушает мессу среди этих турок?»

Но мысли Жозефины были не столь благочестивыми. После прогулок она увлекала господина Шарля на большую кровать и занималась с ним «строительством довольно смелых пирамид»...

Между тем Бонапарт продолжал страдать и не зная этих подробностей. Изредка, наклоняясь над Полиной, с горящим взглядом он повторял:

– Почему ты не родишь мне ребенка? Я разведусь и сразу же на тебе женюсь...

Ибо, по его мнению, только ребенок от любовницы мог заставить его порвать с Жозефиной и дать ему душевный покой. Увы! Молодая женщина, несмотря на все его старания, не могла «оказаться в интересном положении», а недели шли...

15 июля Бонапарт узнал, что турецкая армия подошла к Абукиру. Собрав за несколько часов свои войска, он устремился к морю. Через шесть дней он с пятью тысячами солдат наголову разбил втрое превосходившего его по численности врага... О неудаче под Сен-Жан-д'Акрком было забыто, популярность главнокомандующего восстановлена.

И тогда он решил воспользоваться этой победой, – возможно, последней, которую он мог бы одержать в Египте, – для того, чтобы отправиться во Францию, свергнуть Директорию и навести в стране порядок.

Не сказав никому ни слова, он начал готовиться к отъезду и, когда все было приготовлено, позвал Полину:

– Я знаю, что ты – славная женщина. Послушай. Я возвращаюсь во Францию, откуда приходят ужасные вести. Наши войска разбиты в Германии, в Италии, повсюду. Австрийцы и русские грозят вторгнуться в нашу страну. В Вандее снова неспокойно. В стране царят анархия и голод. Директория, состоящая из никчемных людишек и проходимцев, ведет Францию к гибели. Я должен ехать.

Полина зарыдала:

– Возьми меня с собой!

– Не могу. Не исключено, что я могу попасть в плен к англичанам. Ты должна оберегать мою славу. Представь, какой поднимется шум, если меня схватят с женщиной?⁸⁰

Красотка плакала, умоляя его. Но Бонапарт был непреклонен. На следующий день, поручив Клеберу заботу о молодой женщине, он с несколькими друзьями тайно поднялся на борт «Мюирона»...

У оставшейся одной Полины теплилась единственная надежда на то, что в одну из последних страстных ночей, проведенных с любовником, «в ней осталось оплодотворяющее семя Бонапарта». Но увы! Неделя проходила за неделей, а желанных признаков все не было...

– Он будет сердиться на меня, – говорила она.

И она сожалела только об этом. Но бедняжка конечно же не могла себе представить, что именно бесплодие помешает ей стать императрицей...

Те, кто создал из Наполеона легенду, утверждают, что Бонапарт во время своего плавания неотрывно глядел «на маленькое ярко блестящее солнце, которое светило денно и ночью и к которому он, казалось, направлял свой корабль».

– Нам нечего бояться, – якобы говорил он. – Поскольку это светило, появившееся на западе, – «моя путеводная звезда».

Если верить им, то Бонапарт после ужина обычно выходил на палубу для того, чтобы задумчиво созерцать этот знак судьбы⁸¹.

На самом же деле все было совсем не так.

Быть может, Бонапарт и верил в астрологию, но он имел другую склонность, представляющую очень большой интерес для его биографов: он играл в карты...

Такое времяпровождение кому-то может показаться пустым занятием. Но представляется любопытным, когда прочтешь «Мемуары» Бурьена. Тот сообщает нам, что генерал никогда не упускал случая «помочь удаче, прибегая к запрещенным приемам», которые другие осуждают⁸².

Таким образом, легенду следует изменить и несколько подкорректировать. И вместо образа молодого человека, избранного судьбой и плывшего во Францию, неотрывно глядя на

свою звезду, следует нарисовать образ честолюбивого офицера, рвущегося к власти и передергивающего карты...

Действительность отнюдь не менее примечательна, чем выдумка, но, согласитесь, символ, который она создает, выглядит несколько иначе.

2 октября, чудом прорвавшись через английскую блокаду, Бонапарт высадился в порту Аяччо.

Охваченный безумной радостью, он отправился обнять своих кузенов, вдохнуть аромат цветов, поболтать с пастушками, вспомнить о своем детстве. Но у него не хватило времени на то, чтобы возобновить связи со своими симпатичными подружками, с которыми познакомился пять лет тому назад. Он очень об этом сожалел, поскольку, несмотря на то что у него была Полина, чье великолепное тело он еще не успел забыть, Жозефина, которую продолжал мучительно любить, он с удовольствием бы остудил с какой-нибудь прекрасной жительницей Аяччо «тот пыл, который накопился в его естестве после убийства из Каира». Измотанный многодневной качкой, он глядел на девушек горящим взором и иногда замолкал на полуслове, провожая жадным взглядом «покачивающийся зад проходившей мимо девицы...».

В течение шести дней у дверей его дома собиралась огромная толпа, поскольку, как сообщает нам Бурьен, «его слава значительно увеличила число его родственников».

Время от времени к нему приходило какое-нибудь великолепное создание с вызывающе выставленной вперед грудью и красиво очерченными бедрами, с которым он охотно занялся бы воспроизводством населения острова, но всякий раз это была либо кузина, либо молодая тетушка, либо крестница...

С налитым кровью лицом, он вынужден был целовать их в щечку и спрашивать, как поживают родственники.

Выполнение этих семейных обязанностей раздражало его:

– Решительно, на меня обрушилась лавина родственников! – говорил он, пиная ногами мебель.

Вечером 7 октября он снова поднялся на борт «Мюирона», так и не утолив жажды любви. Несколько расстроенный, он искренне позавидовал тем, кому выпало счастье посвятить любви хотя бы немного времени. Впрочем, он и сам в этом, не стесняясь, признался. Вот как Рустан, мамелук, привезенный им из Египта, рассказывает нам об этом в своем необычном стиле:

«Мы не проходить карантина, как это было принято. Час спустя после прибытия на рейд генерал сошел с корабля, а потом пошел в тот дом, что он родился. Генерал, он меня спрашивать, как я нахожу его родина. Я ему сказал:

– Очень хорошо, это хороший страна.

Он мне сказал:

– Это ничего. Когда мы приедем в Париж, это совсем другое дело!

Там было много красивых женщин, которые имели ко мне большую доброту, поскольку я был чужеземец.

Мы снова сели во фрегат поехать в Тулон, но погода была такой плохой, мы были вынуждены снова вернуться на Корсику, там мы были целый день, а через день уехали в Тулон.

По пути генерал и Бертъе начинают смеяться при виде меня, говоря:

– Как! Ты более ловкий, чем мы! Ты уже познал во Франции женщин, а мы, мы еще не имели ни одной»⁸³.

А пока Бонапарт плыл во Францию, в Париже Директория продолжала свои достойные смеха праздники. «Чаровницы», «щеголи», «невероятные» танцевали, организовывали фривольные вечеринки и наживались на редких продуктах питания точно так же, как это будут делать через сто сорок два года их последователи, эти «зазу», которые, напялив на себя слишком широкие пиджаки и слишком узкие брюки, обувшись в мокасины с тройной подошвой и

украшив лбы смешной челкой, будут танцевать «свинг» на безумных вечеринках в перерывах между операциями на черном рынке...

Вся эта «золотая молодежь» того времени гротескно подражала очаровательному певцу Гарату, не выговаривавшему букву «р».

А на бульварах, как и на Елисейских Полях, можно было слышать не превзойденные по своей глупости разговоры. Вот пример такого диалога, имевшего место 2 октября 1799 года и донесенного до нас очевидцем:

– Это невероятно, даю вам честное слово! Вы слышали Вааса?

– Ах, доогой дуг, как велик Диекто! Он поизнес пекасную ечь!

– Его любовница?

– Котоая, чет побей? Их ведь у него ти!

– Ланж, азумеется!»⁸⁴

Поскольку, если сии молодые люди не обсуждали, по-детски картавя, дела о купле-продаже сливочного масла или сахара, то это означало, что разговаривали они о фаворитках Барраса. А из этих женщин особое внимание было привлечено в последнее время к мадемуазель Ланж, бывшей комической актрисе легкого поведения, которая не так давно вышла замуж за богатого брюссельского каретника Мишеля-Жана Симмонса и чье великолепное тело продолжало согревать ложе Директора.

Люди обсуждали ее выходки, перечисляли любовников, заключали пари о количестве родинок у нее на теле, уверяли, что она покрасила «природный пушок» в цвета города Парижа, носили ее фасона рубашки, – короче, она была любимицей «золотой молодежи».

В конце сентября она стала вдобавок и героиней одного маленького типично парижского скандала. Она заказала свой портрет у Жироде, талант которого уже начал высоко цениться. Художник принялся за работу и вскоре выставил картину в «Салоне». Естественно, картина имела бешеный успех.

Мадемуазель Ланж тоже пришла «взглянуть на себя» с критиком из «Арлекина Салона». Увидев полотно, она в ужасе воскликнула:

– Художник подправил мой нос. Позор!

У нее случился нервный припадок, и ее пришлось даже уложить на канапе.

На другой день критик по этому поводу опубликовал разгромную статью. Рассерженный художник явился в «Салон», сорвал со стены портрет, искромсал его на мелкие кусочки, сунул их вместе с обломками рамы в пакет и отправил недовольной клиентке. А потом, желая продолжить сладостную месть, вернулся в мастерскую и принялся писать другую картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.